33.3(2Рос=Алт)6-8
К 292

С. С. Каташ

Эркемэн — человек ласковый

Барнаул
1995 г.

538261

С. С. Каташ

Эркомон — человек ласковый

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1995

ББК 83.3(2Рос=Алт)6-8
К 292

0538261 ОИ
Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Калинина

Каташ С. С.

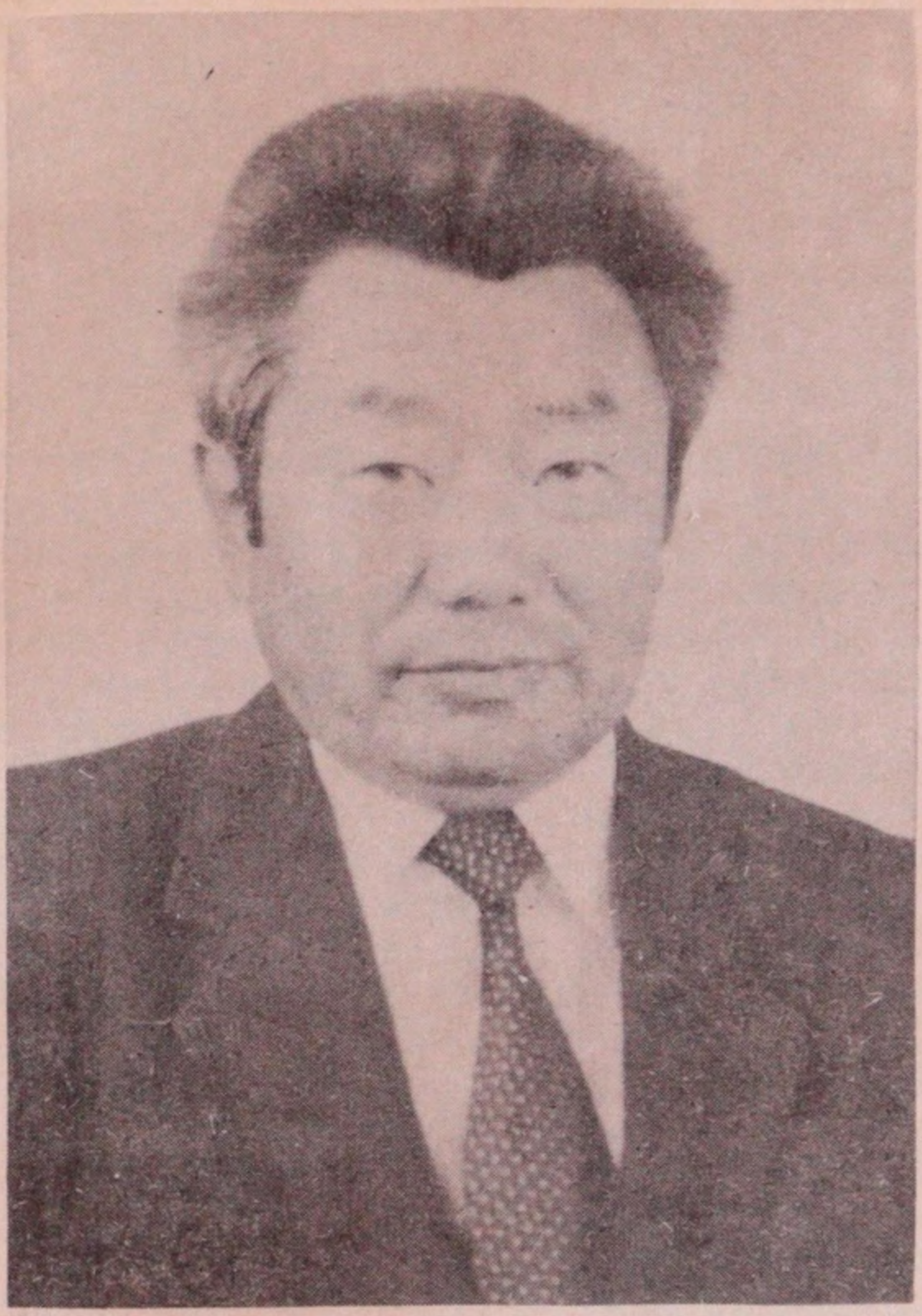
К 29 Эркемен — человек ласковый. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. — 100 с., ил.

Литературно-критическая работа доктора филологических наук С. С. Каташа посвящена анализу творчества известного поэта и прозаика Горного Алтая Э. М. Палкина.

К $\frac{4603000000-}{М\ 138(03)-95}$ без объявл. ББК

JSBN 5-7405-0232-2

© Каташ С. С., 1995



ЭРКЕМЕН МАТЫНОВИЧ ПАЛКИН
(1934—1991)

Поэтическая культура алтайского народа, выросшая из древней усто-поэтической традиции, ныне известна далеко за пределами Горного Алтая. И это вполне закономерно. Творческим импульсом для поэтов и прозаиков Горного Алтая является не только самобытный фольклор, но и первозданная природа Алтая и люди, которые являются героями их произведений.

Почти каждая гора связана с мифотворчеством алтайского народа, что ни река — то поэтическая легенда или сказка. Достаточно сослаться на поэтические образы «золотокосой» Катуни — славной дочери Алтая или воспетого многими поэтами легендарного Золотого озера — Алтын Кöл. А знаменитые Чуйский тракт, Уч-Сӱмер — Белуха, ставшие алтайской Меккой! Все это не может не волновать, не может не вдохновлять литераторов Горного Алтая.

Певцом родной земли, новой жизни, нового человека можно назвать талантливого поэта и прозаика Эркемена Матыновича Палкина, о творчестве которого пойдет речь. Сын простого колхозника, впервые в 1952 г. прибывший на учебу в Москву в Литературный институт, перед Мавзолеем В. И. Ленина он поклялся за себя и свой небольшой по численности народ такими словами:

Все сделаю, себя не пожалею,
Была б счастливой милая страна...

Это своеобразное творческое кредо постоянно сопутствовало писателю в жизни.

Он известен и как публицист и общественный деятель. В повседневной жизни Эркемен Палкин сродни своему творчеству. Большой жизнелюб, оптимист, щедрый на доброту, болеющий болями других, скромный до застенчивости человек, Э. М. Палкин как поэт

и прозаик имеет свой художественный почерк, свой поэтический голос, у него свое видение мира, не схожее с другими. Создаваемый им поэтический мир действительно прекрасен и радостен.

Широкий диапазон осмысляемой писателем действительности отразил все стороны жизни народа, особенно те исторические преобразования, которые происходили на его глазах. Мысли о Родине, делах и людях родного края, забота о будущих поколениях, о судьбах мира, о дружбе и братстве — вот далеко не полный перечень тем и проблем, исследуемых писателем. Общение с произведениями писателя — это всегда задушевный, откровенный разговор, дающий много для раздумий, для сердца и души человека. Сделать людям добро, доставить человеку радость — такова суть литературного творчества писателя. Своими произведениями Э. Палкин как бы приглашает читателя в удивительный мир доброты, в мир настоящей поэзии, в мир сопереживаний с лирическим героем. *«Когда земля богата человеком, тогда она действительно сильна»* — таков лейтмотив его творчества. Вся поэзия Э. Палкина пронизана любовью к человеку, лирическим целомудрием и утренней свежестью. За достигнутые успехи в литературном творчестве и большую общественную деятельность писатель удостоен награды орденом «Дружбы народов», ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Писатель неоднократно избирался членом Горно-Алтайского обкома и горкома КПСС, депутатом городского, областного и Алтайского краевого Совета народных депутатов, членом ревкомиссии Правления СП РСФСР, членом рабочего Комитета по связям писателей стран Азии и Африки. Он побывал в Эфиопии, Монголии, на Кубе в составе делегации Союза писателей СССР, избирался делегатом нескольких съездов писателей РСФСР и СССР. Э. М. Палкин более 30 лет активно работал в алтайской литературе, из них около двух десятков лет возглавлял Горно-Алтайскую писательскую организацию. Помимо перечисленных сборников, отдельные стихи переведены на украинский, казахский, киргизский, башкирский, татарский, тувинский, якутский, латышский, хакасский языки. Стихи поэта печатались на страницах журналов «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир» ,«Сибирские огни», «Юность»,

«Наш современник», «Москва», «Огонек», в газетах «Правда», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Алтайская правда», «Звезда Алтая» и др.

Произведения Э. М. Палкина включены в школьные учебники Горного Алтая. Его творчество изучается студентами филологического факультета Горно-Алтайского Государственного университета. К 50-летию писателя Горно-Алтайская областная библиотека выпустила библиографический указатель о творчестве Э. Палкина, в котором дается статья о его жизни и творчестве, перечисляются отдельные издания, статьи и рецензии об изданных произведениях, а также указываются публикации в коллективных сборниках.

Родился писатель 14 февраля 1934 г. в с. Ело Онгудайского аймака Горно-Алтайской а. о., входившей в то время в состав Западно-Сибирского края. Его родители были колхозниками-скотоводами. Отец Матын Палкин — потомственный скотовод, один из организаторов первых коллективных хозяйств. Мать работала дояркой. Еще в школе Эркемен приобщился к поэзии, начал писать стихи о родной природе, о школе, о добрых людях. Моя встреча впервые состоялась в Онгудайской школе, где учились будущие поэты Э. Палкин и Аржан Адаров. Там же я познакомился с их первыми поэтическими опытами.

Окончив семь классов, Эркемен поступает в областную национальную школу, после окончания которой вместе с двумя другими одаренными выпускниками этой школы Лазарем Кокышевым и Аржаном Адаровым направляется на учебу в Литературный институт им. М. Горького при СП СССР, который успешно заканчивает в 1957 г. Э. Палкин занимался в творческом семинаре, руководимом крупным советским поэтом Владимиром Луговским, умевшим распознавать и стимулировать поэтические способности своих учеников. Он обратил внимание на молодого алтайского поэта, поверил в его талант, вовремя поддержал его и вывел на поэтический большак.

В. Луговской дал высокую оценку его дипломной работе: «Эркемен Палкин — один из талантливых людей, которых я встречал за время моей работы в институте. Необыкновенная наблюдательность, образная мощь, широта раздумий заставляют меня считать этого совсем молодого поэта зрелым литератором».

На защите дипломной работы Э. Палкина выступил профессор В. И. Сидельников, читавший курс фольклора в Литературном институте, критик Вал. Дементьев, писатель Вс. Иванов, которые высоко оценили поэтическое творчество Эркемена Палкина.

Вскоре увидел свет первый поэтический сборник алтайского поэта на русском языке в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» под названием «Такой обычай». Уже само название сборника как бы приглашает читателя познакомиться с обычаями алтайского народа. Молодой автор очень ответственно подошел к изданию своей первой книги на русском языке, включив в нее наиболее выверенные стихотворения и свою первую поэму «Амыр», легшую в основу дипломной работы. Сборник поэта привлек читателя новизной, оригинальностью мышления автора, чистотой и неподдельным лиризмом произведений. Своими задушевными, радостными поэтическими раздумьями автор зарекомендовал себя философски мыслящим поэтом. Не зря его считают поэтом высокой и доброй мечты, дарящим людям радость и человеческую доброту. В своей первой книге на русском языке он поведал читателю о голубом Алтае, его неповторимых красотах, рассказал о людях мужественных и добрых, гостеприимных и скромных — пастухах, чабанах, рядовых тружениках — своих земляках. Читатель узнал из книги алтайского поэта о древних обычаях и нравах алтайского народа, душевной щедрости, верности дружбе. От первых, порой декларативных, описательных стихов он сумел подняться до создания поэмы «Амыр» нравственно-исповедального характера. Успеху поэмы, безусловно, способствовали обретенные в стенах Литературного института знания и навыки, вдумчивая и кропотливая работа над алтайским художественным словом нового, реалистического качества. В стихотворении «Приглашение в гости», посвященном чешскому студенту Франтишеку Кауптману, лирический герой живописует любимый им родной край, старается воссоздать национальный облик родного народа:

Я хочу, чтоб сюда ты пришел,
Мой товарищ. —
Сердцу здесь хорошо,
Понимаешь?
Ты с моим языком не знаком,
Ничего!

Я тебя научу золотому наречью
простора!..[1]

Мы с тобой навестим аил
старика пастуха!
По-алтайски он в гости тебя пригласит,
По-алтайски кумысом тебя угостит,
На комусе тебе по-алтайски сыграет —
Словом, встретит тебя,
Как в горах подобает!...
. . . . . .
Словом, ты на Алтае увидишь прекрасного
много!

Стихотворение автор заключает задушевными словами:

Ничего от тебя не таю:
Юной свежестью будешь дышать под моим
небосводом,
Познакомишься ближе
С застенчивым нашим народом
И поймешь мою радость,
Рассветную радость мою![2]

(Перевод А. Голембы).

Своим первым сборником на родном языке «Jаңы кижи» («Новый человек») молодой поэт сделал серьезную поэтическую заявку, показав себя способным образно и проникновенно поведать читателю о самых казалось бы будничных, повседневных жизненных явлениях и событиях, высвечивая их ярким светом своего поэтического таланта.

Сборник открывается стихотворением-приветствием — «Здравствуй!» («Эзен»). Кого приветствует, с кем здоровается лирический герой? Он приветствует родной Алтай, голубые горы, Чуйский тракт, Катунь, свою деревеньку, где прошло босоногое детство. Каждый, кто любит свою малую Родину, испытывает подобные чувства, особенно после длительной разлуки. Нельзя без волнения читать такие строки:

Ырааk jолдоң эбирип келгемде,
Өскөн jерим солун ла кайкамчылу.

---

[1] Произведения, переведенные на русский язык, далее будут приводиться без оригинала, а непереведенные — с подстрочным переводом на русский.

[2] Эркемен. Такой обычай, с. 28.

Јериме јаңгы јўрўм келген деп,
Көрөдим айландыра јилбилў.
Эзен, Кадын, Алтайдың кызы!
Капшай берзегер аржанның суузын,
Көргўссегер капшай бойыгарды...
. . . . . .
Возвратившись из дальних дорог сюда,
Всегда удивляюсь местам, где я вырос.
Новая жизнь в родные места пришла,
С нескрываемым интересом смотрю
вокруг...
Здравствуй, Катунь — дочь Алтая!
Скорее дайте испить целебной воды,
Покажите скорее самое себя...

Разумеется, перевод всегда скрадывает тончайшие поэтические и психологические нюансы оригинала. И в данном случае в оригинале стихотворение воспринимается значительно глубже. Автор не находит слов для выражения своих чувств, восторга от встречи с Алтаем:

Кандый јакшы, удайла, туштажарга!
Кыйгырып турум, айдар сöс таппай[3].
. . . . . .
Как хорошо после разлуки встречаться!
Кричу, не найдя слов от избытка чувств!

Как уже отмечалось, лирический герой уже первых стихотворений Э. Палкина — «первооткрыватель» своей страны и малой Родины. Он «распахнут» в окружающий мир, он подмечает внимательным и проникновенным взором окружающий мир. Здесь и приметы нового времени на малой Родине («Радио»), «Почтальон», «Комсомольский билет», «Красная площадь» — «Кызыл площадьта», «Когда думаю» — «Сананарымда», «Наша осень» — «Бистинг кўс», «Встреча» — «Тушташ», «Разговаривал» — «Куучындаштым», и «первооткрытие» земляков, характера новых алтайцев («Јергелей», «Кюдейим», «Саадак»).

Для первых стихов этого плана характерно пристальное внимание к приметам нового, приятие и констатация реалий нового (радио, почта), это и «открытие» братства, дружбы и солидарности народов страны и мира, восприятие себя хозяином своей страны и родной земли.

---

[3] Палкин Э. Јаңы кижи. Горно-Алтайск, книжное изд-во, 1956, С. 4.

Вот стихотворение «Почтальон», в котором воссдается образ девушки-почтальона, выполняющей на первый взгляд простое, прозаическое дело и испытывающей радость от того, что «целыми днями по всему сельсовету «вести счастья и мира разносит она». Поэт умеет замечать «ростки нового» в жизни алтайцев, радоваться им и передавать эту радость другим. В отдаленных селениях Горного Алтая появилось радио. Это большое событие для жителей гор. Они слушают теперь голос Москвы! Какое счастье! И об этом не забыл поведать в своих стихах молодой поэт:

Сүүген төрөл Москвадаң
Ырысты биске јарлайдың!
Төрөлдиң баатыр албатызын
Јеңүдең јеңүге көдүредиң,
Телекейдиң ишкүчилерин
Амыр-энчүге кычырадың.
Из любимой, родной Москвы
Вести счастья распространяешь.
Богатырский народ Родины
От победы к победе поднимаешь,
Трудящихся всего мира
На борьбу за мир призываешь![4]

На первый взгляд эти стихотворения кажутся декларативными, но когда мы рассматриваем их в контексте того времени, то зримо ощущаем, что оно несет в себе большой заряд идейности и актуальности. Так, от стихотворения к стихотворению автор, как мудрый собеседник, рассказывает о нови на родной земле. Это делается не назойливо, без назидания. Автор обращается со словами любви и благодарности к Москве, давшей ему путевку в мир поэзии. В этой небольшой книге мы находим стихи о Красной площади, Октябре, Ленине («Встреча», «Октябрь», «Письмо Ленину»), стихи, воспевающие радость труда («Когда я косил сено», «Думы чабана», «Новый человек», «Кузнецу», «На колхозной пашне» и др.).

Темы Октябрьской революции, Родины, ленинская тема — всегда в центре внимания Э. Палкина. В ранних стихах «Ветер Октября», «Мое время», «Письмо Ленину» поэт от имени своего народа выражает благодарность вождю революции, подчеркивает роль Великой Октябрьской революции в преобразовании жизни

---

[4] Там же, с. 20. Подстрочный перевод.

на земле. Если рассматривать эти стихи с позиций и требований сегодняшнего дня, они, вполне естественно, покажутся декларативными, не отражающими духа современных процессов. Однако в свое время эти и другие стихи Эркемена Палкина были весьма своевременными, актуальными. В настоящее время идет переоценка наших духовных ценностей, а порой и их ревизия — забвение того, на чем воспитывались целые поколения. Я убежден, что мы вновь будем обращаться к тем духовным ценностям, которые воспитывают в человеке Добро, Красоту, Милосердие, Любовь к Родине, патриотизм, человеколюбие. Всем этим качествам соответствовали и соответствуют стихи талантливого поэта Эркемена Палкина, поэзия которого полна целомудрия, эмоциональной непосредственности и простоты, свежести восприятия и жизнелюбия. Нет в его ранних и сегодняшних стихах ноты уныния, пессимизма, разочарования. Биение сердца поэта отражало пульс планеты. Самобытность и оригинальность поэта выражается в том, что многие его стихи оказались не подвластны конъюнктуре. Они и теперь современны.

С большой сыновней любовью он описывает чарующую красоту голубого Алтая. Поэт по праву является певцом своей малой Родины. Формы поэтического языка автора и поэтические приемы разнообразны и оригинальны. Он органично использует в своем поэтическом творчестве приемы народной мудрости — меткие и образные метафоры, смело гиперболизирует, умело использует символы и другие средства художественной выразительности.

Своими ранними стихами поэт сумел «утвердить» себя как певец новой жизни, нового человека, нового времени. Последующие его книги углубили и расширили эти темы, обострили поэтическое чутье автора[5].

Автор сумел переступить устоявшиеся в то время каноны в алтайской поэзии и своими стихами утвердить оптимистические интонации, преодолеть декларативность, внедрить в алтайскую поэзию все то новое, что было аккумулировано и трансформировано в результате учебы в Москве. В результате творческих поисков автора получил совершенно иное звучание алтайский стих.

---

[5] Сборники «Черный огонь», 1964, «Радости», 1968, «Утро Родины», 1972; «Дыхание земли», 1977 г.

Первые стихи молодого поэта продолжают еще утвердившиеся в алтайской поэзии (лирика П. Кучияка) традиции простого, неусложненного поэтического мировосприятия. Алтайский стих в лирике Э. Палкина становится гибче, свободней и раскованней, разнообразней становится рифмовка. Герой лирики Э. Палкина — человек, воспитанный новой действительностью, уверенный в себе, открыто смотрящий на мир, познающий и утверждающий принципы социалистического общежития. В этом — новаторстве поэзии Э. Палкина, как и других поэтов, начинавших новую эпоху в алтайской литературе (Л. Кокышев и А. Адаров).

В своих произведениях поэт выражает чувство нового, изображает людей в их делах и заботах, ничего не приукрашивая, облекая свои чувства и мысли в доступные и яркие поэтические образы. Его лирический герой добр и общителен. Ему до всего есть дело. Он призывает жить по человечески, в дружбе и согласии, любить жизнь. Он свободен от национальных предрассудков и идеализации отжившего прошлого («Другу с берега Влтавы», «Мое время», «Ночь стоит в Подмосковье»..., «Первый снег», «Мое слово тебе, Москва!», «Думы чабана» и др.).

В стихотворении «Мое время», написанном им в пятидесятые годы, поэт размышляет о времени и о себе, исподволь соотнося эти размышления с судьбой своего многострадального народа, которого не сломили ни набеги иноземных завоевателей, ни бесконечные войны. Несмотря на многотрудную историю алтайских племен, дух народа не был сломлен, а, наоборот, становился более жизнестойким и крепким. Приход нового времени явился возрождением народа, и поэт гордится этим:

Ӧйим, ӱйем мѐниҥ чек ӧскӧ,
Ӧскӧ кайкалдар ӧкпӧӧрип кӧрӧдим.
Телекей кайкаган ӧйдӧ мен ӧскӧм,
Теҥ најылар кожоҥын угадым

«Мое время» (1955).

Лирический герой стихотворения верит в глубокие перемены, которые обязательно произойдут в жизни. Когда рассматриваешь стихотворение в контексте современных процессов, то невольно осознается, что поэт предвосхитил идеи перестройки. Его оценки периода

волюнтаризма вполне современны. В стихотворении «Мен бӱдедим» («Я верю») поэт размышляет о подлинном, ленинском понимании будущего. Вера в ленинские идеи помогает лирическому герою вместе со всеми народом избрать правильную дорогу. Очень современны и актуальны строки, в которых автор выражает свою ненависть к чиновникам и бюрократам, извращающим ленинские заветы, ленинское учение, огорчается тем, что мало людей, похожих на Ленина:

Јок, Ленин олордый эмес! — деп,
Ийдем кайнап, ичкери омок мен базадым.
. . . . . .

— Нет, Ленин не похож на них! —
в душе я это сознаю
И гордо иду своим путем.

Поэт верит в осуществление высоких целей. Идейное содержание стихов, их художественный уровень свидетельствуют о совершенствовании поэтики, углублении поэтического осмысления действительности автором. В стихах исследуются темы малой Родины, труда, нравственные и филосовские проблемы, эмоциональный мир человека. В стихах можно найти нежные образы матери и любимой девушки. Образ родного края, малой Родины рисуются автором колоритно. Горный Алтай — древняя, но обновленная земля, предстает в стихах поэта в различных ипостасях. Именно сыновняя любовь к ней дает поэту вдохновенье. Об этом довольно емко сказано в стихотворении «Рысьи спины выгнули тропинки»..., которым открывается сборник его стихов «Родной край»[6].

Ты моей поэзии начало,
Родина негромкая моя...

Здесь автор под словом Родина с большой буквы подразумевает свою малую Родину — землю предков — Горный Алтай, где тропинки напоминают «рысьи спины», где идут «сизые дожди» и стелются «белые туманы», где живут земляки поэта, простые и мужественные люди, которые в любую минуту помогут человеку, всегда поделятся с ним и пищей и кровом:

[6] Э. Палкин. Төрӧл улус. Горно-Алтайск, 1959.

Если на тропе скользил и падал,
Помогали встать мне земляки...

Поэт с нескрываемой гордостью вспоминает об этих людях — настоящих хозяевах чудесного края. Он и сам чувствует себя не гостем здесь, а хозяином, сыном этой земли:

Только никогда я не был гостем на земле,
Которую люблю.

Лирический герой добр и общителен. Он призывает любить жизнь, отдавать любимой Родине лучшие порывы сердца и души:

Край мой милый!
Я твое тепло
Людям, как подарок, принесу...»

(«Край родной». Перевод Л. Чикина).

Поэт постоянно в творческих исканиях, в пути, считает себя в неоплатном долгу перед жизнью, перед своим народом, перед соотечественниками:

Я прожил жизнь почти до половины,
А все пред ней, как юноша, в долгу...

Это ощущение вечного долга, поиска и сыновней отдачи Родине характерны для творческого почерка Эркемена Палкина. Поэт видит новое и старается рассказать о социально-исторических преобразованиях в жизни алтайского народа. Порой даже сказочный мир в его стихах перемежается с сегодняшней действительностью. Вот беркут сидит на древнем кургане («Курган»). Старый хищник и поседевший от времен курган навевают «ветры далекого прошлого». Но тут же рядом мощный трактор переворачивает пласты древней земли. Открывается новая эпоха на земле предков. Рисуется интересная картина пробуждения края, его преобразования. Автор сумел все это вместить в короткие, но емкие поэтические строки.

... Зачарованный,
Я вглядываюсь в дали,
Где курганы спят — ничто их не
разбудит, —
Где с рисунками резными гордо встали
Камни, строгие, высокие,
Как люди.
. . . . . .

И далее поэт обобщает:

... Сквозь века несутся песни, вырастая
Из рисунков полувидимых, из пыли.
Смотрит древнее, как мир,
Лицо Алтая
И рассказывает нам седые были.

(Перевод Д. Блынского).

Большое интеллектуальное и нравственно-политическое воздействие на поэта оказала столица нашей Родины — Москва. Многое узнал поэт, обучаясь в Литературном институте, общаясь с представителями многонациональной творческой интеллигенции, учась у выдающихся мастеров художественного слова. Не случайно в творчестве Эркемена Палкина теме Москвы или стихам о Москве отведено особое место. Сам поэт признается в том, что на его творческое становление и мужание характера пребывание в столице оказало сильное воздействие. «Пять лет учебы в Москве дали очень много. Отсюда я еще лучше узнал, понял и полюбил свою Родину, познал смысл жизни. Отсюда, из Москвы, я, как батыр с высокой горы, по-новому увидел мир, необъятные дали раскрылись предо мной»[7]. Свое восхищение столицей и слова благодарности ей поэт выразил в стихотворении «Мое слово тебе, Москва» так:

Москва, ты мне милей день ото дня,
Спасибо, город, в мире самый лучший,
За все, чему ты научил меня,
За все, чему еще меня научишь!
. . . . . .
Москва, спасибо! От земли родной
Я шел к тебе. И, как с горы высокой,
Увидел жизнь. И ты передо мной
Открыла беспредельную дорогу.

(Перевод Л. Чикина).

Чувства благодарности «столице» братства всех племен и наций» выражены в стихотворении «Красная площадь», в котором говорится о людях, отдающих долг глубокой признательности В. И. Ленину. На Красной площади можно встретить представителей

---

[7] Каташ С. С. Литературные портреты. Горно-Алтайск, 1971. с. 118.

разных стран и национальностей, идущих с верой и надеждой в завтра: русского, корейца, румына, немца, китайца и среди них — алтайца, что особенно героя волнует. Москва научила посланца Горного Алтая чувству братства:

Ты бодрости прибавила и сил,
Смелей учила за работу браться,
Я здесь впервые в жизни ощутил
Святое братство всех племен и наций.

(Перевод Л. Чикина).

538261

Лирическим героем поэта Э. Палкина становится человек действия, настоящий боец за новую жизнь, как правильно определил поэт Вл. Луговской, «первооткрыватель своей страны». Где бы поэт ни находился, о чем бы он ни размышлял, родная земля для него — источник постоянных радостей и тревог. Таков герой его стихотворения «Следы» — молодой охотник, шагнувший из темного прошлого в новую жизнь. История его жизни олицетворяет трудный путь алтайского народа из темноты к свету, от бесправия к свободе. Когда-то юноша жил в холодном аиле, охотился в тайге на зверей и этим добывал себе и сородичам пропитание. Это закалило его характер.

Молодой охотник исходил много троп в тайге, перебрал много дорог в жизни. И вот одна из них приводит его к школьному порогу. Неграмотного человека учитель приобщает к грамоте, помогает раскрыть глаза на мир. Молодой человек узнает ранее неведомые ему слова: Партия, Ленин, Комсомол. Он несказанно рад, что из множества тропинок и дорог наконец-то нашел правильный путь в жизни! Теперь он не одинокий охотник в таежном лесу, а член артели «Новая жизнь».

«Новая жизнь». Это — новые люди.
И жить мы по-новому станем теперь».

Растет ответственность юноши: к примеру, Деле, живущую в Ак-Кобы, тоже надо научить писать.

Достаточно большой цикл стихотворений представляет собой исследование национального характера («Дьергелей», «Кюдейим», «Тана», «Саадак», «Пить хочу — «Суузадым», «Теплое слово» («Jылу сöс»), «Старик» («Карган öрöкöн) и др.). Поэта интересует облик молодежи новой генерации («Дьергелей») обра-

Горно-Алтайская
областная библиотека
им. М. И. Калинина

зы старых людей («Кюдейим»), скромных тружеников («Тана», «Саадак»).

Синтез этнографизма и конкретных реалий позволяют воссоздать образы земляков (именно так воспринимаются главные герои этих произведений, сюжет которых «строится» с точки зрения молодого человека, студента, «открывающего» для себя новый мир — в своей большой и малой Родине).

Своеобразна героиня первого стихотворения «Дьергелей». Ее образ олицетворяет новую молодежь Горного Алтая. Дьергелей хочет все знать и познать, хочет быть похожей на красавиц из журналов:

Кажаган айылдың келтейине
Камык јурукты не јапшырган?
Журналда кыстардың сӱрлери
Јӱрегинге, байла, јараган.
. . . . . .
Кто сегодня на старый аил
Столько снимков, скажи, наклеил?
Видно, девушек снимки цветные
Для тебя, как подружки, родные.

Она хорошо знает древние обычаи и нравы, народные приметы, названия всех окружающих гор, она жива, весела и остроумна:

— Бис не олордый эмес? — деп,
Менең сурады Јергелей.
. . . . . .
«Көрӱк эдет — јут келер» — деп,
Койлорына меңдединг.
Адым эстеп турарда,
Ээзи сӱӱнер деп јартадың.
. . . . . .
— Я нисколько на них не похожа? —
Так спросила меня Дьергелей.
«У тебя, как у мамы, коса,
Только жизнь у тебя веселей.
Озорные смеются глаза,
Носишь бусы — чейне[8], Дьергелей.
Тебе каждый знаком перевал
И любая доступна скала».
— Бурундук к непогоде кричал, —
Ты сказала и в горы ушла.

[8] Чейне — семена лесных пионов.

Чья-то песня, как горный ручей,
Прозвенела светла и чиста[9].

(Перевод В. Курзова).

Из совокупности перечисленных черт вырисовывается образ жизнерадостной, веселой, юной современницы героя, черноволосой, как и мать; с черными, как у косули, глазами; стройной, как тальник; с бусами из зерен пиона.

Взращенная социалистической действительностью, хоть и прекрасно знает народные обычаи, Дьергелей раскованна. Поднимаясь на гору, вопреки традиции не нарушать спокойствия ее хозяина, Дьергелей, не боясь его гнева, кричит на вершине горы, в логах-расщелинах скал звонко распевает песни.

Лирический герой надеется, что Дьергелей, как и он, будет стараться все познать и станет одним из надежных людей своей малой Родины.

Аналогичным образом, посредством синтеза этнографии и конкретных реалий «строятся» образы любимой лирическим героем бабушки («Кюдейим») и знатного чабана Саадака, выросшего без отца, прошедшего нелегкий путь мужания «(Саадак»).

Проблема отцов и детей, связи поколений во все времена находила отражение в литературе и искусстве. Не стоит в стороне от этой извечной проблемы и Эркемен Палкин. Его произведения учат молодое поколение почитать родителей, уважать старших и не забывать традиций и обычаи своих предков. В стихотворениях «Теплое слово» («Jылу сöс») и «Старик» («Карыган öрöкöн») без особых назиданий утверждается мысль о бережном, уважительном отношении к старшим. Вот, к примеру, проблематика стихотворения «Старик». Старик очень любил своего младшего сына, всячески оберегая его от болезней и «злых духов». Когда тот в детстве сильно заболел, он вшил в ворот его шубы в качестве оберега коготь медведя.

Постарев, приехал он навестить сына-учителя. Последний, поскольку к нему должны приехать ответственные работники из области, просит отца уйти. Невестка пренебрежительно отнеслась к подарку свекра — дере-

---

[9] Палкин Э. Дергелей. — В кн.: Песни голубых долин. Горно-Алтайск, 1963, с. 122—123.

вянному ведру, сделанному им самим. Когда тот стал высекать огонь огнивом, которое в память об отце всегда носил с собой, она выбрасывает его и вместо огнива подает старику спички.

Позиция лирического героя и, следовательно, позиция автора, обнаруживается через его непосредственное участие в сюжете стихотворения: герой вклинивается в эпическое повествование и обнаженно проявляет свое отношение.

Өрөкөн турадаң араай чыкты,
Јалаң јаар баратты.
Отыгын барып көдүрдим,
Ого түрген јетирдим.
. . . . . .

Старик тихо вышел из дома,
В поле направился.
Я огниво его поднял,
Быстро поднес ему.

Заканчивает поэт стихотворение печальной картиной:

Сакыыр немези јок болуп,
Санааркап јүргендий көрүнди.
Олүмин ле сакып јүргендий,
Өрөкөн ачу көрүнди.
. . . . . .

Словно (больше) нечего ему ждать,
Переживающим показался.
Только смерть ожидающим,
Старик с болью воспринимался.

О мужании лирического героя в целом и поэзии Э. Палкина говорят его следующие сборники стихов: «Радости» («Сүүнчилер»), «Төрөлимниң таңы» («Утро родины»), «Наша мать — Земля, наш отец — Солнце», («Энебис — јер, адабыс — Күн), в которых лирический герой размышляет о зрелых проблемах: «Радости» («Сүүнчилер»), «Ветренник» («Көк таман»), «Три маралухи» («Үч мыйгак»), «Красавица» («Јаражай»), «Цветы» («Чечектер»), «Вопросительный знак» («Кый темдек»), «Сто лет» («Јүс јаш») и др.

Рассматривая поэтическое творчество Э. М. Палкина эволюционно, нельзя не обратить внимание на постепенное совершенствование поэтического мастерства автора. Зрелые стихи поэта философичны, глубоки по

содержанию, их поэтика более усложнена, образы поэтически утонченнее. Язык стихотворений сочнее и образнее. К примеру, в выше перечисленных стихотворениях лирический герой осмысляет окружающий мир многообразно, с высоты познавшего жизнь и мир человека. Его интересуют жизненно важные вопросы: что такое настоящая жизнь («Радости»), о преданности малой Родине («Цветы»), об истинной и мнимой красоте («Красавица»), о сложностях жизни и взросления человека («Три маралухи», «Ветренник»), экологические проблемы («Вопросительный знак») и др.

Фольклоризм, поэтика контраста, развернутость и ассоциативность образов, концептуальные выводы-резюме — характерные черты стихотворений этого плана. К примеру, стихотворение «Радости», изобличающее бездушную, чиновничью бюрократию, построенное на контрасте изображения холодного кабинета бюрократа-чиновника и светлого мира родной природы и радостного и ясного мира простых тружеников, начинается развернутой образностью, широко, как эпический зачин:

Сүүнчилер суркуражып, шаңкыражып,
Карманымда јаткан болзо,
Кажыгарга ла бир ууштаң.
Кузук алып бергендий,
Уруп берер эдим.
Ол сүүнчилер алаканаарда јымырап,
Эди-каныгарга ödүп, шиңер.
Кенетийин кажыгырдың ла
Көзигерде көрүнер
Ару, ак оттор јаркындап,
Көзööрдиң ичи селт јарыыр.
Көстöр сенең деп, мелтиреп,
Күлүмзиренишке эрип, јылыыр.
. . . . . .

Ах, радости!.. Если б сейчас
В карманах всех у меня,
Горя, блестя и звеня,
Лежали цветные радости, —
Я б каждому дал из вас
И, словно орехи, горстями,
делил бы их между вами!
Ведь людям пора нести
Разные радости.
Ах, радости!.. Наши ладони
теплы бы стали от них,
Глаза бы наполнились светом
искорок золотых,

Словно поля весною,
заулыбались губы
И посветлели лица и
обновились судьбы.

(Перевод С. Сомовой).

Такими же мазками набрасывается облик бюрократа, высвечивая внутренний мир приспособленца, холодного и равнодушного человека:

Көстөрин чичкерте көрөт...
Ол мени таныбай тургандый,
Бойыныҥ јамылузын,
Менеҥ күчтүзин көргүзет.
Нениҥ де учун эриндерин јайат,
Тоомјылу сананат.
. . . . . .

Смотрит, словно меня, ничтожного,
он не знал,
Сузил бесцветный глаз, вытянул губы,
Видимо, власть свою, свой чин —
так показал.
Мол, уходи скорей, просители мне не любы.

(Перевод С. Сомовой).

Бу мениле куучындажып болбой,
соок отурган өрөкөн
Неге де, байла, тыҥзынып
јүретен болбайсын.
Бойын билбести билип,
јетпеске јеткендий,
Улусла куучындашса,
кирлене бергедий сезетен болбайсын.
Ол бойын качан да ундыбаган.
Ого ондый ийде јайалбаган.
Каткырыпсып сүүҥгенде де,
Байрамдап ичкенде де
Ол бойын јарт билетен.
Аргалу болзо, тууразынаҥ
Бойын көрүп отургадый јүретен.
. . . . . .

Этот холодный старик,
Не желающий со мной говорить,
Наверное, из-за чего-то считает себя сильным.
Возможно, чувствует себя всезнающим,
всего достигшим.
Когда общается с людьми,
чувствует себя, словно он
запачкался грязью.

Он себя никогда не забывал,
Ему не дана такая сила.
Когда смеется, веселится,
Когда он даже по праздникам выпивает,
Он определенно бывает в себе.
Если б можно было,
Со стороны наблюдал бы за собой.

Холодно-сверкающему кабинету чиновника, с его ровным, бесстрастным голосом лирический герой противопоставляет мир родной природы и простых людей, где всегда он находил тепло и ласку. В детстве, точно так же, как сейчас, замерзши, он спешил к чабанам:

Кандый тымык энгирлер болгон.
Jалтырашкан чалындар эди.
Буттарым чек ап-апагаш болуп
Jунулып калатан эди.
Jалбыш jайылган айылга jедип,
Jаан сүүнчилу jылынатам.
Тызыраган оттор jүзиме ойноор,
Тым аралдар сууларла кайлаар.
Менең дезе, мөш jытанар,
Бастыра бойымнаң тайга тынылар.
Көзимде дезе — аркалар, ажулар.
Көксимде — чаңкырлар, кызыл таңдактар.
Jаан сындардың эзиндери
Jардыма jайа курчалган,
Энгмектердиң jүм өлөңги
Эт-каныма jайкалган,
Ээн ийдеге тартылган
Эликтий ару туратам...
Кенетийин көрзөң,
будың бажында,
Кеен сабарлар ортозында
Чечектиң бажы кысталып,
Чедиргентип калган турар.
. . . . . .

Радости вы мои!
Орехи в тайге глухой,
Крупные капли дождя
с мокрых кедровых веток,
Когда ты замерз, устал —
вдали дымок голубой
Родимого очага, вкус пищи,
тепло привета.
Радости вы мои!
Заросший травою лог,
Прозрачные вечера,
в траве росы ожерелья,
А ты босиком бежал,
замерзших не чуя ног,

На землю сел у костра
и греешься, тихо млея.
Радости вы мои!
пламенный блеск костра.
Играющий на ветру
на сонных щеках ребенка,
Кедровником молодым
синеющая гора,
И речка между корней,
поющая нежно, звонко.
Меж пальцами на ноге
цветок вдруг увидел я...
Где рос он? Где на бегу
его зацепил в траве я?..
Дымящийся, как тайга вечерняя, от дождя,
Я этот возьму цветок, от тихой любви робея.

(Перевод С. Сомовой).

Зрелый лирический герой Э. Палкина на все смотрит углубленней и строже, во всем он стремится выявить содержательный смысл, иные, чем прежде, открываются перед ним просторы мироздания: человеческие радости и необходимость борьбы за них, сложности жизни, которые порою тушат эти радости, красота и прекрасное, их необходимость для человека, любовь к малой Родине и необходимость быть преданным ей и беречь ее («Радости», «Ветренник», «Три маралухи», «Красавица», «Цветы», «Вопросительный знак» и др.).

К примеру, в стихотворении «Красавица» вид сидящей в зале красавицы вызывает в лирическом герое целую серию размышлений о необходимости красоты и прекрасного для человека. В понимании лирического героя красота — двигатель всего: ведь и в природе люди обращают внимание на красивых птиц, среди множества цветов один непременно будет выделяться своим совершенством. В жизни всегда нужна красота — красота простора, глубины, чистоты, твердости, вдохновения:

Биске көрүштиң телкеми,
Билериниң тереңи,
Карузыганыныңг арузы,
Кату болорыныңг карузы,
Ичкери jүткиштиңг jалбыжы,
Иш эдериниңг алкыжы —
Jүрүмниңг jаан jакшызы,

Сўреен керек —
јаражы!
Ол јокко
јўрек јўткўбес,
Ол тийбезе, көс кўйбес.
Јанымда ол,
јеримде ол...
Јараш јокко
јўрўм де јок!..
. . . . . .

Нам широта взгляда,
Знания — глубина,
Нежности — чистота,
Твердости — ответственность,
Пламя вдохновения,
Труда — благословение,
Жизни — большая доброта,
Очень нужна —
красота!
Без этого
сердце не будет стремиться
(вперед),
Глаза не будут гореть.
Рядом она, вокруг меня,
И жизни нет
без красоты!

Четверостишия, которыми «выстроено» стихотворение, порою располагаются «лесенкой» в целях большей выделенности того или иного смысла, содержания. К пример, в двух следующих четверостишиях акцентированные расположением слова «нарушают» перечислительный ход повествования, подчеркивая смысл выделенных слов:

Јә кемге де бу сөстөр
Јарабай турган болбайсын,
Кызылын талдап, улустың
Канайдар — дежет — борозын.
Но кому-то эти слова
Выискивая среди людей красное,
Не нравятся, наверное.
Что делать — говорят — с серым.
Ак јаланда, арка-тууда
Куштар учат јер бўркеп,
Кара,
сары,
агы да бар.
Кызыл,
өлө,
көк,
кўрөң...

. . . . . .

На полях, в лесах-горах
Летают птицы, землю покрывая,
Черные,
желтые,
и белые есть.
Красные,
пестрые,
синие,
коричневые...

Выделенные в первом четверостишии «серое» («борозын») и во втором — цвета птиц («черные, желтые, и белые есть»; «красные, пестрые, синие, коричневые») выявляют подчеркнутость смысла сказанного поэтом.

Главную мысль произведения — о широком и глубоком понимании природы красоты и прекрасного — выражают две объединенные строфы. Перечислительная интонация набирает «густоту» и насыщенность по мере нарастания смысловой нагрузки и наконец, объединяющее слово «красота» («јаражы»), самое сильное, выражающее идею произведения, также выделено «лесенкой».

Кольцевая композиция — повтор строфы-завязки, выражающей главную идею произведения, в начале и в конце произведения — делает стихотворение строго завершенным логически и формально:

Бир ле јерде, бу залда,
Кыс отуры: ой-ой-ой!
Је оныҥ кӱӱн-санаазында
Кандый јараш бар болбой?..
. . . . . .

Смотрит женщина чисто и ясно,
Но хочу догадаться уже:
Так ли точно светло и прекрасно
То, что в мыслях ее и в душе?

(Перевод И. Фонякова).

Творческая зрелость, рост мастерства поэта особенно заметны в стихах, воссоздающих человеческие образы, и стихах на нравственные темы. Образы простых людей выявляются через живописание их повседневного труда, через конкретику их деяний и бытия — «Рабо-

та» («Ищ»), «Жизнь» («Jўрўм»), «Думаю» («Санана-дым»), «Хозяин мелких работ» («Оок-тобыр иштердинг ээзи»), «Солнце с листок» («Jалбыракча кўн»), «Мать свою два ягненка...» («Энези эки кураган»...) и др.

Для стихов первой группы характерен повествовательный сюжет, воссоздающий, к примеру, цельную человеческую судьбу («Жизнь») или цельный человеческий образ-характер («Хозяин мелких работ»), через труд и через отношение изображаемого субъекта к нему. Вышеперечисленные произведения на эту тему — гимн труду чабана и вообще простого труженика, воспроизведение поэзии труда. Лирический герой в этих произведениях рассматривает труд как творчество, как высший жизненный смысл, дающий возможность человеку твердо стоять на земле, даже вопреки неблагоприятным или тяжелым обстоятельствам. К примеру, образ героини стихотворения «Жизнь» воссоздается посредством повествования о судьбе женщины, чья жизнь сломана войной. Через изображение внешнего облика героини, суровых реалий ее жизни, мира ее переживаний воссоздается цельный образ женщины, прожившей мужественно просто: оставшись без мужа, она одна воспитала двух детей, рано постарела, и в трудные времена находя возможность попеть и поиграть в кругу сверстниц.

Повестовательно-эпический сюжет минорно-скорбная интонация воспроизведения женской судьбы, повторы характерных черт героини четко и завершенно воссоздают цельную человеческую судьбу и цельный человеческий характер. Вот, к примеру, характеристика внешнего и внутреннего облика героини, мира ее переживаний:

Теп ле тегин келин эди,
Тегерик кўреҥ чырайлу эди.
Уйлар саап иштеп jўретен,
Улуска jаан билдирбейтен.
Ойын-jыргал болгондо, ол
Ойнойын деп тым баратан.
Кожоҥдоорго ло jўргендий,
Кожоҥдоп-кожоҥдоп туратан.
Обыкновенной была:
Смуглой была, круглолицей,
Сказочной девушкой-птицей
В пляске-игре не плыла.
Знала родную тайгу,
Славно работать умела.

Песни любила — но пела
Только со всеми в кругу.

(Перевод И. Фонякова).

Сүрнүккен де, ыйлаган да,
Сүүнчилү өйди сакыган да.
Аштап-суузап, арыган да,
Ачу-коронго бастырган да.
. . . . . .
И спотыкаться, и плакать приходилось,
И ожидала счастливого времени.
И голодала, и уставала,
И горе-горечь владели ею.

(Подстрочный перевод наш. — С. К.)

Аналогично воссоздается образ труженика в стихотворении «Хозяин мелких работ». Эпический сюжет с акцентацией характерологических слов размеренно, неторопливо высвечивает облик героя:

Уур колын берди сөс сурабай,
Удура көрди көзиме карап.
Өскө улустый јеңил каткырбайт,
Откönип, неге белен каткырар?
Оның ижин сурагылайт сүүнзин деп,
— Оок-тобыр ла иштер ол — деди.
Ондый атту јердиң ээзиндий
Омок айтты јап-јарт эдип.
. . . . . .

Тяжелую руку подал, не спрося ничего,
Прямо посмотрел в глаза мне внимательно.
Как другие люди, не смеется легко,
Подражая другим, отчего с готовностью
так смеяться?

О его работе спрашивают,
чтобы порадовать его,
— Так это, мелкие работы, — сказал он.
Как хозяин земли с таким именем
Бодро сказал он отчетливо (доходчиво).

Акцентация словосочета́ний: «тяжелую руку» (уур колын»), прямо посмотрел в глаза мне внимательно» (удура көрди көзиме карап»), «легко не смеется» («јеңил каткырбайт») и т. д. — способствует воссозданию образа человека, твердо стоящего на земле, скромного, но знающего себе цену, с достоинством выполняющего простые, но нужные дела:

Чарбак чоокыр уй келеле,
Чанакта өлөңнөң блаажат — карган!
Унчукпас эр күлүмзиренди көрөлө,
Байла, уйдың ак-чеги јараган.

Тестек обооны чеденге тартты.
Терлеген адын соодып койды.
Тазтагы кийимдерди бууга артты,
Такталбаан јолды јалмап ийди.
. . . . . .

Пестрая корова с большим брюхом,
Сено с саней вырывает (отнимает) — стара!
Молчаливый мужчина улыбнулся, посмотрев,
Ему, видно, понравилась непосредственность
коровы.

Выпуклый стог завез в загон.
Вспотевшую лошадь распряг.
Белье в тазу развесил сушить,
Нестоптанную дорогу подмел.

Образ «хозяина мелких работ» полнее выявляется из его взаимоотношений с приехавшими гостями, снисходительно смотрящими на него и на его дела. Своим жизнерадостным, резвым гостям, удивляющимся морозу и снегу на стоянке, он спокойно и с большим достоинством отвечает:

Каткызаак улус турлуу јерде
Карды, соокты, кайкажат малды.
— Соогы јок — ол кандый кыш? — деп,
Соокты, кышты эр актады.
. . . . . .

Смеющиеся люди на стоянке
Удивляются снегу, морозу, скоту.
— Какая зима без мороза?
Мужчина оправдывает мороз, зиму.

Как завершающий штрих облика персонажа, как вывод-резюме поэта звучит заключительное четверостишие, несущее основную смысловую нагрузку стихотворения:

Јеектеп чачпас иштүү эр
Јерле бек, јайым базат.
Табылу тың базыдын јер.
Танып тургандый торгылат.
. . . . . .

Мужчина, не брезгующий работой,
По земле шагает твердо (прочно), спокойно.

Его неторопливый, твердый шаг
Земля, как будто узнавая, отзывается.

Вершинными произведениями этого плана являются стихи «Чабан» («Койчы») — 1963 г., «Снег и телевизор» («Кар ла телевизор») — 1979 г.

Образ старого чабана в первом стихотворении воссоздается разнообразными средствами. В первую очередь спокойным повествованием — размеренными предложениями, развернутой образностью. Посредством спокойных, замедленных фраз выявляется образ молчаливого, спокойного, глубоко размышляющего человека:

Күреҥ чырайлу, унчукпас бүдүмдү
Карган кижи
Күскидий јалтыраган, мызылдаган
Залга кирди.
Ого кенетийин өрө бийикте
Суркурашкан люстралар
Бийик кырларда, көҥдөй кайаларда
Салакташкан тоштордый көрүнди.
Ол коркып тургандый чеберленип,
Арай базат.
Тайкыла берер болорым деп,
Сезер-сеспес сананат.
Полдо јайылган кебис јолдор
Кенетийин эмди
Аркада бурсыйныкту
Јенестий эбелди[10].
. . . . . .
Смуглолицый, прямой, молчаливый и старый.
Он вступает в зеркальный сияющий зал.
Люстра сверком стеклянным в глазах заблистала.
«Как сосульки на скалах», — ему подсказал
Голос памяти.
Вот он идет неторопко
По узорам ковра, не смутясь ни на миг.
«Как в тайге бархатистая,
Мшистая тропка,
А на цвет — как брусника», — подумал старик.

(Перевод И. Фонякова)[11].

Перевод сохранил ритмику и образность оригинала.

Фольклорный мотив счастья — эрдине, — которое, по поверью алтайцев, порою встречается человеку, использованный в сюжете, передает народность мировоззрения героя, живущего естественной жизнью, его

[10] Палкин Э. Ак чечек. Горно-Алтайск, 1984, с. 149.
[11] Горы и звезды. Горно-Алтайск, 1982, с. 201.

слитность с природой. Чабан всю жизнь трудился, не думая, что это какое-то занятие: труд для него был жизнью самой:

Иш — ол jўрўм болгон.
Кажы ла эртен тура чыккан кўндий,
Ичкен чайдый,
Койлордыҥ маараҗындый,
Бир де кайкалы jок,
Jе сўрекей jуук болгон.
. . . . . .

Труд был жизнью самой,
Что вовек не стареет,
Ежедневному, вечному солнцу сродни...
Труд был солнцем вторым,
тем, которое греет,
Даже в самые хмурые, серые дни.

(Перевод И. Фонякова).

Тайные вера и надежда в существовании эрдине, подсознательные поиски его в горах-долинах выявляют синкретичный духовный мир героя. А вот как мастерски передана психология старого человека, попавшего в непривычные для него обстоятельства:

Залда улус сўреен көп.
Кандыйы jок деп айдар!..
Мынаар ол апагаш чачту
Өрөкөнди көрзөҥ.
Нени иштеп турган кижи болотон?
Бу отурган алтын-мөҥўн
Ийиндў кижи о, jайлаа,
Көп jууларда болгон
jуучыл, байла.
Торко чачту jиит кыс.
Нени эделе, бери келди не?
Көрзөҥ төжинде база чолмон...[12]
. . . . . .

О, как много людей! —
про себя удивленный,
Отмечает. — И все — как свои,
как друзья!
Кто он, скажем, вон тот, с
головой убеленной?
Где работает? Старый, конечно,
как я.
Видно, тоже и радости знал,
и печали.

---

[12] Палкин Э. Ак чечек, с. 152.

Видно, тоже немалую поднял семью.
Ну, а этот, большой, с золотыми
плечами —
Славный воин, видать, отличился
в бою!
И достойно сидит рядом с воином
старым
Светло-русая девушка. Так молода!
Но, как ясное солнце, сияет
недаром
На груди у нее золотая звезда![13]...

(Перевод И. Фонякова).

Согласно своему мироощущению природного человека воспринимает чабан окружающую его в зале обстановку: сверкающие люстры кажутся свисающими в пещерах сосульками; ковровые дорожки представляются мхом, покрытым брусникой.

Развернутые фразы и образность, тяжеловатые предложения, передающие своеобразие мышления неторопливого, спокойного человека, воссоздают образ героя четко и зримо. Этому способствуют также разнообразная ритмика и строфика стихотворения.

Аналогично, посредством юмора и улыбки воссоздается обобщенно-коллективный образ тружеников дальней стоянки, живущих спокойной, с достатком жизнью, которым не хватает только телевизора и.... снега («Снег и телевизор»).

Цикл стихов Э. Палкина о тружениках села, их печалях и радостях, заботах, выражая поэзию труда, так же, как проза Д. Каинчина, погружает читателя в мир современного алтайского села, в будни, тревоги и заботы, духовный мир селянина.

Высоту и зрелость мировоззренческого, гражданского и нравственного уровня лирического героя Э. Палкина являют собой стихи гражданственные, на социально-политические и философские темы, в которых лирический герой осмысляет наиболее кардинальные вопросы современности, живет «болевыми» проблемами мира, мысля масштабно, вселенскими параметрами. Это стихи об извечном человеческом стремлении познать окружающий мир и окружающее мироздание («Звезды» — «Jылдыстар», «Космонавты и старая Кюдей» — «Космонавттар ла карган Кӱдей»), о мировоззренческом

---

[13] Горы и ввезды, с. 203.

росте человека и социальном прозрении («Следы» — «Истер», «Два плача» — «Эки ый», «Каждый мой день» — «Кажы ла кўним», «Плывут облака» — «Булуттар кöчöт», «Сто лет» — «Jўс jаш», «Победители» — «Jеңўчилдер», «Если б мы умели по-настоящему любить» — «Чын сўўп билетен болзобыс», «Заяц» — «Кой-он» и др.), экологические и нравственные проблемы («Знак вопроса» — «Кый темдек», «Черноглазые косули» — «Кара кöстў эликтер», «Больше, чем милиционер» — «Милиционерден jаан милиционер», «Он» — «Ол»).

Лирический герой в этих произведениях разносторонен. Как уже говорилось, предметом его забот выступают многоразличные вопросы современного человеческого общежития и всего мироздания: устремленность человека в далекие миры, социально-классовое прозрение, «болевые» проблемы мира. «Выстроенные» посредством контраста («Два плача»), ассоциативности («Звезды»), эпического сюжета («Черноглазые косули», «Заяц»), философских и публицистических размышлений и раздумий — «Плывут облака», «Каждый мой день», «Сто лет» и др., эти произведения воссоздают многообразный окружающий мир.

К примеру, в гражданственных, философских и публицистических стихах-раздумьях и стихах-размышлениях лирический герой, о чем бы он ни размышлял, с чем бы ни соприкасался, все оценивает по большому счету, все осмысливает с точки зрения высокой гражданственности, содержательной и нравственной высоты. В стихотворении «Плывут облака» весть о смерти знакомого человека вызывает в лирическом герое гамму ассоциаций, высвечивающих многогранный, богатый душевный мир человека, воспринимающего жизнь в кипении, борений и страстей:

Эбире jўрўм jарык кўндий,
Аш jайканат кеен öзöктö.
— Чилиде jаңы jаң! — деп,
Чийилген эмтир бу газетте[14]...
. . . . . .
А меж тем на свете жизнь идет,
Зеленеют новые хлеба,
Спутник запускается в полет,
В Чили продолжается борьба.

(Перевод И. Фонякова).

---

[14] Палкин Э. Ак чечек. Горно-Алтайск, 1989, с. 219.

Для свершения больших дел нужны все, и каждый умерший воспринимается как солдат, погибший в бою. Совершаются дела всеми вместе, жизнь каждого нужна для другого, в этом — сила людей.

Jўрўм учун јаан тартыжу
Јаантайын ӧдӧт, кўнўг ӧдӧт.
Јўрўмин јетире јўрбеген уул
Јуу јеринде ӧлгӧндий
бодолот.
. . . . . .

Миру мир, как свет, необходим.
Мир — в борьбе за будущность свою.
Кто бы, где ни умер молодым —
Кажется всегда: погиб в бою.

Јаныста нӧкӧрлӧр кўлўмзиренип,
Кӧргўлейт бийикте чангкырга,
Кажы ла кижининг јўрўми
Кажыбыска ла учурлаган.
. . . . . .

Умер он — и все же не умрет:
Я живу — и он живет во мне.
Вместе с ним стремимся мы вперед —
Строить мир, служить родной стране.

(И. Фоняков).

Снова кольцевая композиция, развернутые сравнения, выверенность и тщательность отбора слов делают стихотворение строго завершенным:

Јууда чылап бисти јўрўм
Катап ла ичкери кату кычырат:
Суула агат, агаштар туру,
Булуттар кӧчӧт,
куштар учат...
. . . . . .

Ожидает повседневный труд.
В этом мире нет путей назад.
Льются реки, облака плывут,
Птицы быстрокрылые летят...

(И. Фоняков).

Наиболее концентрированно данная содержательность выражена в стихотворениях «Сто лет», «Если б мы умели любить по-настоящему» и «Победители». К примеру, в двух первых стихотворениях лирический

герой, сетуя на быстротечность жизни, что и сто лет жизни пролетают, как мгновения, находит «рецепт» для продления жизни. Заключается он — в концентрированном прожитии ее, секрет долголетия — в самом человеке:

Кижинин ырызы бойында не — деп,
Килеп көрди меге јаан туу —
Јўс те јашты там кенгиде
Јўретен, узайтан бир јажытту:
Јўрўмнең јарашты көп табып јўрзең,
Јўрўминг узун, јаан болор, нөкөр!
Элбеде көрзөң, бийиктеде билзең.
Эзенинг тынгыыр, сўўнчинг өзөр.
Јўрегееерди ару, чек тудыгар,
Јўс јашка ол јолды табар.
Айаска,
улуска сўўнигер, јууктагар,
Анча кире јўрўмеер узаар.

Счастье человека ведь в нем самом —
Жалея смотрит на меня Большая гора
И сто лет прожить достойно и широко
Есть один секрет долголетия:
Если в жизни находишь много красоты
Жизнь твоя будет долгой, большой, друг!
Если будешь смотреть широко, глубже (высоко)
будешь понимать
Долголетье будет крепнуть, радостей будет
больше.

Сердце свое держите чистым, открытым.
Найдет оно дорогу к Столетью
Вселенной,
людям радуйтесь, приближайтесь —
Столько же продлиться ваша жизнь.

А ведь герой еще многое хотел сделать, повидать: он хотел побывать в Сомали, погостить у турок, зовут его Мексика и Австралия, дяди-тетушки и племянники жаждут встречи с героем, манят голубые дали и долины, зовут длинные дороги. «Выстроенное» в форме диалога, обращения к бело-голубой вышине, голубым долинам и далям, родственникам, к любимой героем горе јаану и т. д. — стихотворение публицистично-эмоционально.

Примечательной чертой лирики Э. Палкина, как уже говорилось, является концептуальная содержательность. Подтверждением этому служат также стихи на экологические и нравственные темы («Он», «Боль-

ше, чем милиционер», «Черноглазые косули», «Заяц» и др.). Реалии и конкретика для Э. Палкина — всегда лишь повод для выявления глубинных жизненных связей и коллизий, повод для развития какой-нибудь жизненно важной, глубокой содержательной идеи. Вот и в «Черноглазых косулях» конкретный случай — появление косуль на пригородной горе Туу-Кая и погоня собак за ними — позволяет поэту повести разговор широко — о проблеме честности вообще и необходимости защиты ее.

Концепция выявляется из эмоционально проникновенного, с публицистическим накалом сюжета, тщательно «выстроенного» посредством эпического повествования и живой разговорной интонации.

Вот герой повествует: по вершине Туу-Кая движутся две точки, подпрыгивают, вязнут в снегу. Дальше следует внутренний монолог, «выстроенный» в стиле гибкой разговорной речи, выражающей активное сопереживание, героя:

Э-э, нелер ол? Кече ондо јол истеп,
Эки ийт јўрген, ойногылап турган...
Јок! Былардың мантажы өскө —
Јоболду, ийделў... мөңдеген... чочыган...
. . . . . .

Э-э, кто это? Вчера там по дороге
Две собаки бегали, играли...
Нет! У этих бег другой —
Усталый, сильный... торопливый... испуганный...

Эликтер туру не! Эйе, эликтер!
Кайдан келгөн кайран көөркийлер?
Корыйтан јерлер ырааката, бийикте,
Городко, бого, је, не келгилеер!..
. . . . . .

Да это косули! Да, косули!
Откуда пришли милые бедняжки?
Спасительные места далеко, высоко,
В город, сюда, ну, зачем приходить!..

Нюансы размышлений героя, догадки, анализ оформлены четко и гибко, воссоздавая художественную модель мыслительного процесса человека. Порою лирический герой не может сдержать своего соучастия в разыгрывающейся драме: ему хочется, чтобы косули поскорее добрались до безопасного места, он в подробно-

стях представляет, какие еще напасти могут их подстерегать на пути в тайгу.

Как и во всем творчестве поэта (и в поэзии, и в прозе), концептуальная содержательность порою выражается через символы. В данном стихотворении косули как нечто беззащитное, хрупкое ассоциируются с честностью, которую также необходимо защищать:

Кара көстӳ эликтер тын алып,
Карла, јерле мактагылап барадат.
Јӳрӳмимле мениң карыкчал таңмалу
Јӳс ачуныңг бирӳзи ӧдӳп јат...
. . . . . .

Черноглазые косули спасаясь,
По снегу, по земле мчатся.
По жизни моей грустной меткой
Проходит одно из ста болей (горестей).

Лирический герой горько размышляет, что не всегда может дать отпор хитрецам, не умеет наказать низость. У честной жизни, как и у беззащитных косуль, много врагов, посягающих на то, чтоб ее растоптать. Но лирический герой верит, что радости, как и победившие беду косули, не исчезнут, будут, как солнце, светить и греть:

Јеткерденг кӳчтӳ эликтий сӳӳнчилер
Јер ӳстинең качан да јылыйбас.
Јаантайын биске тын берип,
кӳн чилеп,
јарыдар,
изидер,
јылыдар, кӧк-айас!
. . . . . .

Радости, как победившие беду косули.
Никогда не исчезнут с земли.
Вселяя всегда в нас жизнь,
как солнце,
Будет светить,
жарить,
греть синева!

Аналогичным образом извечная идея непобедимости и животворности жизни выявляется в большом стихотворении «Заяц». Конкретика — заяц, во время атаки оказавшийся в окопе вместе с двумя солдатами — вызывает в лирическом герое широкий спектр размышлений и ассоциаций. Умирающий от фронтовых ран быв-

ший воин, его сын, вернувшийся из Афганистана, заяц (фронтовой и тот, за которым охотятся лирический герой и его друзья) в ассоциативном сознании героя воспринимаются как единое целое. Фронтовик, пораженный тем, что заяц оказался сильнее бомб и гранат; его сын, вернувшийся живым из Афганистана; заяц, которого мог убить на охоте лирический герой и не убил, — воссоздают сложность и противоречивость, а потому величие и силу жизни, чего не может не воспринимать герой. Как и всегда, стихотворение у Э. Палкина заканчивается концептуальным выводом-резюме:

Јуучыл. Койон. Афганистан
Јуралат меге бир болуп.
. . . . . .

Воин. Заяц. Афганистан.
Рисуются мне как одно целое.

Свидетельством гражданского, мировоззренческого и художнического роста поэта выступают также стихи на зарубежные темы, а также пейзажная и интимная лирика.

Если в стихах о заграннце первого этапа, написанных под впечатлением поездки в начале 60-х годов в Венгрию и Чехословакию («Красноармеец» — «Кызыл-черўчи», «Живем, чтобы работать» — «Иштеерге јўрўп јадыс», «Девушка» — «Кыс») имеют место и некоторые декларативность, монологичная риторика, то циклы стихов о Кубе и Эфиопии представляют собой совершенные художественные творения («Дом друзей — «Најылар туразы», «Дети Чили» — «Чилининг балдары», «Селия Суарес» «Обмыт океаном» — «Тенгиске јунулдым», «Рассвет в чужом краю» — «Öскö талада таң», «Копны Эфиопии» — «Эфиопиянын бугулдары», «Двуцветная земля» — «Эки öңдў јер», «Люди, пришедшие с гор» — Туулардан тўшкен улус»).

Поэт осмысливает инонациональное через сходство с родным и близким ему, через сопоставление с родной действительностью; он воссоздает кубинскую и эфиопскую действительность через посредство характерных и выразительных примет. Стремление воспринять инонациональную действительность, новых для лирического героя людей в синтезе с близким ему миром (в контрасте ли, в сходстве ли) позволяет поэту сделать художественные открытия.

К примеру, из стихотворений кубинского цикла «Дом друзей», «Дети Чили», «Селия Суарес» четко вырисовываются образы кубинских революционеров: Орландо, повесившего под потолком свой стул в Доме друзей и не вернувшегося; бывших владельцев ярко-красной рубашки, печально лежащих трубки и расчески; автора выразительно нарисованного коня и т. д. — людей, оставивших память о себе и не возвратившихся с боев. Запоминаются образы молчаливых детей из Чили, осиротевших, по воле судьбы оказавшихся в Гаване: Куба выступает приютом для тех, кто борется за народное счастье. В памяти читателя четко отпечатывается образ девочки с бантиком, молча стоящей в стороне:

Гавананың јўрўмин ајыктап,
Каткы, ойын јок балдар тургулайт.
Башка аңылу бу тымыкта
Бантиктў кызычак ырааkта јууктабайт.
. . . . . .

Наблюдая за жизнью Гаваны,
Стоят невеселые дети.
Среди особой этой тишины
Девочка с бантиком, не приближаясь,
стоит вдали.

Наиболее полно образ борца за народное счастье воссоздается в стихотворении «Селия Суарес». У героини стихотворения типичная для того поколения кубинских революционеров судьба. Осталась одна: два брата и муж погибли. Она учится в университете, с большим трудом овладевает русским языком, в настоящее время является гидом гостей из СССР. Живая и любознательная, с огромными бело-черными глазами, Селия Суарес живет интересами страны, веря в ее светлое будущее. Как и вся ее страна, она не умеет печалиться: радость и веселье — всегда при ней:

Седең, омок, сезиңкей
Селия Суарес,
Куба јериң сеге тўңгей —
Кунугып билбес.
Ару јажыт көрўштў,
А, кандый да килемкей.
Коо,
јирме јети јашту
Команданте бијелейт!
. . . . . .

Гордая, живая, чувствительная
Селия Суарес,
Куба твоя на тебя похожа —
Не умеет унывать.
Взгляд таинственный и чистый
И, какой-то сочувствующий (милосердный)
Стройная,
двадцатисемилетняя
Команданте танцует.

Выразительны у Э. Палкина также стихи-живописания кубинской и эфиопской действительности («Обмыт океаном», «Двуцветная земля», «Рассвет в чужом краю»).

Так, в стихотворении «Двуцветная земля» из эфиопского цикла инонациональная действительность познается через сопоставление, через контраст. Осмысляя «двуцветную» Эфиопию (в отличие от «четырехцветной» родины героя), герой глубже и лучше познает свою родную действительность. Воссоздаются оба мира через характерные и выразительные приметы. Поэт живописует яркими мазками. Вот, к примеру, эфиопские реалии:

Мындагы тӱш
тӱндий тым турар.
Мындагы тӱн
тӱштий тынданар:
Багырыжар, сыгырыжар,
баскылаар јылгылаар —
Бастыра јӱрӱм
тундө јымыраар...
. . . . . .

Здешний день
тих, как ночь.
Здешняя ночь,
как день, оживляется:
Будут орать, свистеть,
ходить, ползать —
Вся жизнь
ночью, как будто мурашки по коже
пробежали...
. . . . . .

Бажында узун «ӱлдӱлерлӱ»
Баскылайт кип-киленг
антилопалар.
Кӱн тыгынбас
та кандый мӧрлӱ
Кӱп-кӱренг, јеерен јаражайлар.

Кирлӯ терең
Аваш суу агат.
Кижининг јууктаар
кӯӯни чек келбес.
Караматыккан крокодил
та ондо јадат...
Кайнаган јармадый...
торт суу эмес.
Ол јаратта агашты аралай
Белкенчеги јабыс
кӯреңг «ийт» базат.
Оло гиена јемзенип турала,
Бери көрөт, ырсайат јазап...
. . . . . .
На голове с длинными «саблями»
Ходят гладкие
антилопы.
Солнцу не поддающиеся
Темно-коричневые, рыжие красавицы.
Грязная, глубокая
Аваш — река течет.
Нет никакого желания подходить
у человека.
То ли там лежит
полусонный крокодил...
Как кипящая крупа...
на воду не похожа.
На том берегу вдоль леса
ходит низкозадая коричневая «собака».
Жадная гиена, ища добычу,
Смотрит сюда, скалится грозно...
. . . . . .

Јаңгыс ла јайдың
үч айында
Јаңмырлар келер,
јер јажарар.
Бастыра эбире
јыргалда, ойында
Бай чечектеп,
өңгжӱп, јаранар...
Кӱркӱреп, тинчип,
јаңгыс ай чыктыдар...
Кӱс, кыш дезе —
тогус ай каан турар.
Эфиопия изинер,
јылынар ай сайын,
Эки ле өңдӱ турар јаантайын.
. . . . . .

Только в летние
три месяца
Дожди придут,
зазеленеет земля.
Все вокруг
в веселье, в игре

Зацветая обильно,
будет еще краше...
Громыхая, давя духотой,
Будет месяц лить...
А осень и зима —
девять месяцев засухи,
Эфиопия будет жариться.
греться месяц за месяцем,
Всегда будет стоять двуцветной.

Вспоминая в сравнении с эфиопскими реалиями приметы родного края, облик последнего поэт воссоздает характерными для него, повторяющимися в его творчестве образами и реалиями: родные леса и горы, белые зайцы и бело-серые зимние косули, приметы всех четырех времен года. Осмысление иной географической и национальной действительности позволяет глубже и острее осознать родную действительность.

Выразительны и впечатляющи также стихи о природе, для которых характерны образная мощь, напевная ритмичность и мелодичность («Алтай», «Сары бӱрлер», «Сары киштейт», «Аржан», «Jылан кӧс» и др.). Сильной стороной поэтики лирики Э. Палкина, как уже говорилось выше, являются «образная мощь, широта раздумий» (В. Луговской), необыкновенная проникновенность, ассоциативность, формирующие стихи необычайно образные и мелодичные.

Образ Алтая, к примеру, в стихотворении «Алтай» набрасывается широкими, ассоциативными мазками-приметами родного поэту края:

Аркалар өткӧн	Хребты, прошитые
Чичке jолдор,	охотничьими тропками.
Анғырлар конгон	Леса, обжитые
Ару кӧлдӧр,	Пичугами неробкими;
Буурыл башту	Потоки дикие,
Ээн тайгалар.	Вершины седоглавые,
Токыналу	Туманы тихие,
Куу тумандар,	Молочные, кудрявые
Тыт бӱркеген	И склоны плавные,
Тымык өзӧк,	И кедры крепкоствольные,
Мал киштеген	И в песнях славные,
Марчалу өзӧк,	В долинах — кони вольные;
Эдил кӱӱктӱ»	И лето красное
Эне jай...	С кукушкою пронзительной
Кайран jерим,	Земля прекрасная,
Кару Алтай!	Алтай мой удивительный!
. . . . .	

В переводе на русский палкинская яркая образность поблекла, большей частью заменена образами-штампами, хотя переводчик в целом пытался адекватно передать образность и ритмику стиха. Как и в целом вся лирика Э. Палкина, «Алтай» — отнюдь не только пейзаж, а, как и всегда, предмет раздумий героя о народе, его судьбе и истории. Вот и в этом стихотворении родная поэту пейзажная характерность вызывает в нем целую гамму размышлений об исторической судьбе Алтая и его народа, о его будущем. Посредством звукоподражания, мелодики и ритмики почти в звуках воссоздается облик Алтая и в стихотворениях «Кричит сары» и «Желтые листья».

Эртен тура эбире апагаш:
Кыру,
кыру,
кыру.
Јанып брааткан турналар јараш:
Крр-у-у,
крр-у-у,
крр-у-у!
Кузук јабынган карган мөштөр
Араай шуулайт, шуулайт.
Чаңкыр бийикте чактарга туруп
Өйлөрди тыңдап тургулайт.
Күски өлөңлө мен базадым:
Шылыр, шылыр, шылыр.
Јанган јайдың истерин табадым:
Јалбрак...
чечек...
маңыр...
Јүре берген јайды јоктоп,
Өзөктөр тымып, ээнзирейт.
Сары деген куш аркада
Киштейт,
киштейт,
киштейт...
. . . . . .

Иней рассыпчатый лег поутру,
Чутко свисая с ветвей.
И журавлиное слышится «крруу»
Над стороною моей.
Старые кедры и ночи и дни
Смотрят в пустой небосвод.
Сколько веков простояли они,
Слушая времени ход.
Я по увядшей шагаю траве
Там, где пестрел первоцвет,
Тщетно ищу в облетевшей листве
Лета ушедшего след.

Долы притихли, грусти полны,
Вплоть до весенней поры,
В желтом лесу издалека слышны
Тонкие крики сары...

В переводе С. Сомовой конкретика образа неадекватна, и потому стихотворение в переводе воспринимается приглушенно и блекло. Ритмика, мелодика и напевность «Желтых листьев» воссоздают картину желтой осени на Алтае, неоднократно живописуемой поэтом в ее разнообразных ипостасях. Не случайно слова этого стихотворения легко легли на музыку. Хрустальная чистота осеннего дня, задумчивость осенней природы и живого мира навевают герою ясное, счастливое мироощущение и настроение.

Айлу-күндү јер үстинде кезикте
Ап ла айас, чап ла чаңкыр јүректе.
Јаан јүрүмниң јаркынына чалыдар
Сүрекей јаан сүүнчилү болор күүним бар!
Салкын кептү санаа-күүннинг учы јок...
Сары бүрлер, сары бүрлер учуп јат.
. . . . . .

Иногда на лунно-солнечной земле
Светло-ветло, голубизна на сердце.
Хочу, чтобы лучи большой жизни осветили
меня,
Хочу быть очень счастливым!
Бесконечным как ветер, желаниям нет
конца...
Желтые листья, желтые листья летят.

Два последних пейзажных стихотворения из вышеперечисленных — «Аржан» и «Змеиный глаз» — из последнего сборника поэта «Земля — наша мать, Солнце — наш отец!» («Јер — энебис, күн — адабыс») остропроблемны: они проникнуты тревогой о современном экологическом состоянии Алтая и его будущем. Аржаны (целебные источники) и кедровый орех во все времена были непременными слагаемыми бытия алтайцев, потому эти самоценные компоненты — составная часть жизни алтайцев. Поэт озабочен, будут ли по-прежнему целебны аржаны и будет ли продолжать расти кедр. То, что открывается взору героя «аркалар таза кезилген, ак јалангдар казылган, чечектер јыды үзүлген, саста турна кыйгырбайт, аркада куран багырбайт, агын суу кирге бастырган» и т. д. — заставляет его тревожиться. И все-таки он верит в хорошее будущее:

Алтай оңбо, чак-өктөм.
Аржан, отту суу, кайна.
Јышта, тууда, өзөктө
Јымыра ла јажына.

(«Аржан»)

. . . . . .

Алтай, не линяй, век жестокий (горячий).
Аржан, огненная вода, кипи.
В дремучем лесу, в горах, в долине
Кипи-живи всегда.

(«Аржан»).

В стихотворении «Змеиный глаз» высказывается подобная же мысль:

Көк сындарла јорторыс,
Кööрөп, кузук чертерис.
Кер-калтарлар тең баскай —
Кер сай,
кер сай,
кара сай!
. . . . . .

По синим склонам будем ездить,
Восторгаясь будем щелкать орехи.
Серые-гнедые пусть в ногу идут —
Поспевающие орехи,
поспевающие орехи,
спелые орехи

Зрелая пейзажная и интимная лирика Э. Палкина всегда пронизана человеческими переживаниями (грустью, тоской, радостью), выражая мир сложных, тонких чувствований героя («Тихой ночью» — «Тымык түнде», «Море» — «Талай», «Родной край» — «Кару јерим». «Осеннее утро» — «Күски эртен тура», «О чем задумавшись всегда» — «Јаантайын нени тымык санап», «Мать» — «Эне» и др.). К примеру, в двух противоположных по умонастроению героя стихотворениях «Сегодня ясно» («Айас бүгүн») и «Белые поля вокруг» («Ак јалангдар эбире») мир предстает то в радужных тонах, как в первом стихотворении, то в глубокой грусти «(Белые поля вокруг»). Радостно-счастливое человеческое состояние выражено всей содержательно-образной структурой произведения (образами, напевной ритмикой, эмоционально окрашенными словами). Герой воспринимает мир пронзительно-радостно; все в окружающей действительности предстает перед ним в своем возвы-

шенном качестве: хлеб на полях зелен и высок; кто-то, проходя, ласково взглянул; оседланный конь бьется в нетерпении; голос кукушки пронзителен, сам герой — (как светлый луч. Во втором стихотворении сюжет выражает грусть и тоску: грустят главные герои (птичка, кутаясь, тополь, тихо покачиваясь, ждут весну; грустя о возлюбленной героя, печалится белая дорога). Герой завидует им: скоро придет весна. Нехватка радости, грусть и печаль рождают в сердце героя непокой:

Удабас ак телекей
Јажара берер эбире.
Кушка,
јолго,
терекке
Кўн јылуны јетирер.
Кўйўнедим ўчўгө
Кўндер келер јалтырап...
Јө качан јўрек ичилө
Сўўнчи агар јымырап?...
. . . . . .

Скоро белый свет
Зазеленеет кругом.
Птице,
дороге,
тополю
Солнце доставит тепло.
Завидую троим.
Дни придут блистая...
Но когда по сердцу
Радость потечет, словно мурашки
пробежали по телу?...

Синтез фольклоризма и реалистической образности в стихотворении «Мать» («Эне») живописует обаятельный облик матери через восприятие ребенка.

Так же выразительна и любовная лирика поэта («В первый снег» — «Баштапкы карда», «На зимнем поле»— «Кышкы јалангда», «Смотрю на север» — «Тўндўк јаар көрўп турум». «Передо мною ты и дальний путь», «Өлөң чаап турарымда» — «Когда косил я траву» — «Долина — в белых цветах» — «Өзөк ичи — ак чечек», «Присядем помолчим» — «Нөкөрим, унчукпай отураак экў...» и др.). Любовь у Э. Палкина — чувство хрустально-чистое, нежное и святое. Герою хочется быть сильным, высоким и большим, чтобы защитить ее («Смотрю на север»). Она дает герою большую силу и огромное счастье:

Мен эмди сүрекей күчтү,
Нени ле эдип ийгедийим,
Јер-телекейдиҥ үстиле
Јеҥил селеҥдеп баскадыйым.
. . . . . .

Я теперь очень силен,
Могу делать любую работу,
По всей планете
Могу свободно шагать.

Свою возлюбленную герой сравнивает с цветком, покрытым росой («Когда косил я траву...»).

Билерим: чечек күнди сүүйт,
Бийик өзөргө, кееркеерге јүткийт.
Чалынын да оныҥ чайбап түжүрбезим.
Чактыҥ чакка күүниҥди де үребезим.
. . . . . .

Я знаю, что тянется роза к лучам,
Желая красивой и чистой остаться...
Я даже росы не стряхну с нее, сам,
Не смея к цветку, как к тебе, прикасаться.

(Перевод Е. Стюарт).

Через игриво-шутливый диалог с девушкой и улыбку передает поэт зарождающееся чувство у молодых людей.

Көөркий кандый јарады!
Көксиме торт јуралды.
. . . . . .
Таранат, катайт учукты
Такып көрүп, унчукты:
— Јортыгар ла, јол узун.
Јон ортодо тил узун...
Каткырынды, кызарды...
Кан-эдимле не барды?!
. . . . . .

Милая как понравилась!
В душе словно глубокий след
оставила.
. . . . . .
Расчесывает, сучит нити
Взглянув опять промолвила:
— Поезжайте, дорога длинная.
У людей язык длинный...
Засмеялась, покраснела...
Что по жилам пронеслось?!

Некоторые любовные и вообще лирические стихи поэта стали популярными песнями: «Девушка с другой судьбой» — «Салымы башка кайран кыс», «Верь мне» — «Меге ижен», «Желтые листья», «Край родной».

Анализ поэтического творчества Эркемена Палкина будет неполным, если не сказать еще об одной ипостаси его поэтического облика — его сатирических стихах и баснях, направленных против негативных явлений, пережитков прошлого, пьянства, бюрократизма и других человеческих пороков. Не могут оставить равнодушными читателей его басни («Береза и ель» — «Кайынг ла чиби», «Кукуруза и трава» — «Кукуруза ла ölöңг», «Полынь» — «Сары баргаа», «Косуля» — «Элик», «Разговор домов» — «Туралардынг куучыны»), поэма-притча «Обжора» — «Алып jутпа».

В своих стихах поэт затрагивает самые актуальные проблемы нашей жизни, делится своими мыслями о сложном и противоречивом времени и мире, о человеческих радостях и горестях. Связь со временем, с болевыми точками планеты, думы о родном народе и его судьбе, о том, как сделать жизнь красивее и богаче, — эти мысли пронизывают многие поэтические произведения Палкина, всегда остающегося самим собой, верного своему творческому предназначению. От сборника к сборнику растет его художественное мастерство. В своих книгах он идет от жизни, берет темы и сюжеты из жизни, много дает ему неисчерпаемый источник народной мудрости — богатый алтайский фольклор. Так же, как героям алтайского богатырского эпоса, поэту хочется прочесть книгу мудрости, книгу жизни. Еще в детстве он мечтал с самой высокой горы Алтая оглядеть весь мир, узнать будущее. Эта мечта всегда сопутствовала его творчеству. Пожалуй, так и только так надо понимать своеобразную, не похожую на других авторов поэзию Эркемена Палкина.

Как поэт-лирик Эркемен Палкин — поэт мысли, концептуальной содержательности, утверждаемых высоких гражданских, социальных, общественно-политических и нравственных идеалов и помыслов, поэт, работающий над словом, образностью, художественностью о чем свидетельствуют вышеанализированные стихи. В контексте вышесказанного понятны и непреложны в творчестве поэта постоянные «сквозные» образы Солнца, Луны, звезд, белой и голубой выси.

Собрание литераторов Горного Алтая, на котором была создана Горно-Алтайская писательская организация
Сидит третий слева Афанасий Коптелов. Эркемен Палкин стоит второй слева. 1958 год

На алтайской земле с Георгием Марковым (второй справа)

На съезде писателей России в Кремле.

Встреча друзей.

Дни литературы Горного Алтая в Башкирии.

С писателями И. Кочеевым и П. Самыком.

Дни алтайской культуры и литературы в Москве.
У стен родного Литинститута.

Эркемен Палкин с писателями Башкирии

Г. М. Марков с алтайскими писателями

На открытии памятника алтайскому сказителю Н. У. Улагашеву.

Дни культуры и литературы в Москве

Участники отчетно-выборного собрания Горно-Алтайской писательской организации СССР. г. Горно-Алтайск, 11 сентября 1985 г.

Характерной особенностью поэтики Э. Палкина является концептуальность названий стихов, несущих в себе большую смысловую нагрузку («Радости», «Следы», «Два плача», «Сто лет», «Если бы мы умели действительно любить», «Знак-вопрос»...), построенных на контрасте порой несопоставимых явлений («Космонавты и старая Кюдей», «Снег и телевизор»), порою очень лирических и образных («Я родился у подножия той горы...» — «Ол кырдың эдегинде чыккам», «Несется всадник» — «Атту кижи барадыры», «Грядут новые, новые годы» — «Солун, солун јылдар келер»... и др.). Для юношеских стихов характерны однозначные, прямые названия, олицетворявшие новые явления в жизни алтайцев: «Радио», «Почтальон», «На Красной площади», «Ветер Октября» и др.

Оригинальность поэтической манеры Палкина еще до конца не исследована. Поэт не стремится во что бы то ни стало удивить читателя, ошеломить его сенсационными строками. Над стихом Эркемен работал не спеша и вдумчиво, вкладывая в его содержание свою душу и сердце. Повествование в стихах ведет глубоко осмысляя явления и события. Поэт с сердечным участием относится к судьбам людей, озабоченный тем, что не везде еще люди живут с улыбкой на лице, не везде еще мир и покой. Поэт тревожится за хрупкость и воспламеняемость планеты.

* * *

И, наконец, глубина и широта поэтического мышления автора особенно проявились в его поэмах. Это в первую очередь поэма «Амыр», исследующая животрепещущие проблемы человеческого бытия, раскрывающая характеры нового человека, его роль в борьбе за лучшую жизнь, повествующая о дружбе людей разных национальностей. Это также поэма «Наташа», философско-лирический «Черный огонь» — «Кара от», поэмы-раздумья: «Желание» («Күүн»), «Јүрек» («Сердце»), «Чангкыр тенгери» (Синее небо), «Ак таш» («Белый камень»).

Поэма «Амыр» была закончена в 1958 году. Это реалистическое, «выстроенное» из жизненных реалий художественное произведение, отражает жизнь, быт, обычаи алтайского народа и проблемы Горного Алтая пятидесятых годов.

В произведении воссоздана широкая картина мирной жизни послевоенного Горного Алтая. Одна из центральных сюжетных линий произведения — роль алтайской интеллигенции в развитии и совершенствовании духовной жизни народа, ее участие в социально-экономическом преобразовании родного края. В поэме много авторского. В ней выражены личные раздумья поэта, его желания, его ответы на проблемные вопросы и попытки найти пути его решения. Все эти глобальные проблемы автор решает через образ главного героя поэмы, студента Амыра, живущего думами и чаяниями своего народа. Приехав на летние каникулы в родные края, Амыр окунается в гущу народной жизни, живет нуждами народа, пытается вместе с земляками осмыслить задачи коренного изменения жизни скотоводов. Он хочет свои знания и энергию применить для осуществления благородных целей. Амыр видит некоторые положительные перемены в жизни людей. Его радует, что люди стали лучше одеваться, что молодежь полна желания учиться; в городе стало больше студенческой молодежи; улучшается быт колхозников, облегчается их труд; люди живут в освещенных электричеством домах, сельские дети наперегонки катаются на велосипедах, на руках чабанов блестят наручные часы, чего не было раньше. Все это наблюдает Амыр во время своей поездки по Горному Алтаю, выступая перед земляками с лекциями и беседами. Герой замечает и негативные стороны жизни — пьянство отдельной части населения, отрыв некоторых руководителей от народа, бюрократизм и чванство партийных работников, их борьбу за должность и доходные места. В произведении много жизненных зарисовок, как справедливо отметили Вл. Луговской, Вс. Иванов и другие, в произведении воссоздаются пейзажи, быт, этнография, нравы и обычаи народа. Но, пожалуй, самое главное — это то, что автор сумел в поэме передать свои раздумья о судьбе своей родины, рассказать о своем народе. Поэма полна патриотизма, автор раскрывает светлые перспективы Горного Алтая в будущем. «Амыр» — произведение многоплановое. Одна из его проблем — роль и место алтайской интеллигенции в подъеме духовной культуры народа. Надо отдать должное автору: этот важный вопрос был поставлен в послевоенной алтайской литературе им

первым. Нельзя не отметить также философские проблемы, борьбу нового со старым, а также нравственно-этические и политические вопросы. В поэме автор пытается показать ростки нового не только в жизни людей, но и в их мышлении и духовном мире. Борьба с негативными явлениями, с пережитками прошлого находит в поэме достойное отражение.

С более подробным анализом поэмы «Амыр» можно познакомиться в разделе «Современная алтайская поэзия», написанной автором этих строк совместно с литературоведом Г. Кондаковым в «Очерках истории алтайской литературы»[15].

Произведение интересно не только остротой поднятых в нем проблем, но и своими художественными достоинствами, выраженными в первую очередь в главном герое.

Разлука с родным домом, с Горным Алтаем обострила чувство привязанности Амыра к малой родине. Он переживает прилив любви к первозданной природе Алтая, к своим родным и близким, ко всем своим землякам. Окунувшись в эту стихию, герой поэмы не ограничивается любованием всего родного. Он смотрит вперед. Его волнуют проблемы улучшения быта животноводов, борьбы с пережитками прошлого. Оказавшись на вечере в сельском клубе, он видит, как еще бедны национальными песнями и танцами праздники односельчан. Ему очень хочется, чтобы из среды соплеменников вышли ученые, артисты, музыканты, поэты... Амыр в буквальном смысле загорается жаждой созидания. Он хочет доказать, что оправдает надежды народа, целиком посвятит себя и свою энергию коренной перестройке уклада жизни своих земляков. Это возросшее самосознание Амыра, его гордость за свой народ оправдывают в поэме многие горячие и взволнованные слова, обращенные к соотечественникам с призывом к раскованности, к широте стремлений и замыслов, и составляют эмоциональную сердцевину поэмы. Амыр видит, как много предстоит сделать, чтобы поднять жизненный уровень и духовную культуру односельчан и в целом всего народа. У него появляется жажда работать не покладая рук, он хочет принести людям радость, оправдать их надежды, хочет, чтобы люди в него

---

[15] Очерки истории алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1969 г.

поверили. Амыр смотрит в будущее глазами настоящего. Мать Амыра, как и все матери, думает и мечтает о счастливой судьбе своего сына. Она бы хотела:

— Чтоб без него не обходились люди,
Как лог и луг не могут без воды[16].

Амыр — одно целое со своим народом, он любит людей, но не всегда и не во всем с ними соглашается. Он выступает против консервативных патриархальных обычаев прошлого. Когда родители хотели его женить на девушке по имени Дьелечи, по старым обычаям, он им честно говорит:

Нет! Как было — не будет!
Ведь сердцем солгав,
Как ей посмотрю в лицо?[17]

Он ненавидит всем сердцем все, что связано с давно прошедшими временами, когда «за гурт тонкорунных овец» отцы продавали любовь, Амыр борется за чистоту своих чувств, за правдивую жизнь, потому что он понимает: «У каждого с жизнью особый счет. Чем больше он — ярче жизнь»[18].

Амыр хочет прожить свою жизнь по большому счету, для него старые нравы, как «плеть по глазам». Он должен ответить на вопрос, поставленный старейшим человеком села Акаем, прожившим более девяноста лет.

Что значит «алтайцы»?
Ответить пора!
Вопрос перед вами стоит, как гора.
Ответа я жду.
Дай ответ, молодежь![19]

Собственно, почитаемый аксакал сам дает ответ на поставленный вопрос. Он верит в Амыра, верит в то, что он не «затеряется ребенком в ногах»:

Нам люди широкого взгляда нужны,
Нам люди особого склада нужны

---

[16] Перевод на русский язык поэмы «Амыр» осуществлен поэтом Н. Панченко.
[17] Там же, с. 61.
[18] Там же, с. 65.
[19] Там же, с. 53.

При каждой бригаде —
таков мой загад.
Народ наш не беден,
народ наш богат[20].

Вот таким человеком «особого склада» растет на земле голубых гор Амыр, тесно связанный с землей, на которой родился, на которой ему работать. Он понял высокую истину: «Когда земля богата человеком, тогда она действительно сильна»[21]. Чувство любви к родине и является той силой, которая помогает Амыру, желающему стать хозяином судьбы, жить и бороться.

Правда, в его делах и поступках, в его суждениях есть много заданного и умозрительного, идущего от авторской тенденции создания положительного героя. Поэтому последний идеализирован. И тем не менее образ Амыра реалистичен, он запоминается.

Помимо главного героя в поэме много других персонажей, которые изображены довольно колоритно (образы старцев Акая и Шоорчы, бабушки Амыра). Запоминаются образы девушек Дьелечи и Лены. Неплохо вписывается в контекст произведения образ председателя колхоза; в произведении много познавательных, исторических фактов, этнографических зарисовок (народных сцен, празднеств и обрядов).

В поэме Э. Палкин проявил себя как наблюдательный художник и как историк, раскрывая перед читателем страницы прошлого своего народа и рисуя огромные перемены сегодняшнего дня. Нельзя не согласиться в этом отношении с оценкой Вл. Луговского, данной им этой поэме и ее автору в своем отзыве на его дипломную работу: «Необыкновенная наблюдательность, образная мощь, широта раздумий заставляет меня считать этого совсем еще молодого поэта зрелым литератором»[22]. В самом деле, для того, чтобы изобразить столь широкоохватную картину жизни народа, поднять в произведении столько актуальных проблем, необходимо обладать незаурядным талантом, эрудицией и гражданской зрелостью, ибо в поэме отражены личные наблюдения и переживания самого автора.

---

[20] Там же, с. 54.
[21] Там же, с. 70.
[22] Отзыв Вл. Луговского хранится в личном архиве Э. М. Палкина.

Автор поэмы как зрелый литератор вводит читателя в мир героя не назойливо, разумно, повествование как бы пережито им самим. Рассказ, ведущийся от первого лица, перемежается поэтическими иллюстрациями, запоминающимися и убедительными примерами и сопоставлениями картин прошлого с сегодняшней новью. Новое, необычное содержание, не отраженное в алтайской поэзии до Э. Палкина, требовало оригинальной и своеобразной художественной формы. И с этой задачей автор справился не плохо. Как справедливо отметил Вл. Луговской эту особенность письма поэта, «на все у него особый угол зрения, свое слово, своя хватка»[23].

Большое место в поэме занимают пейзаж, красочные картины бытовых сцен, например, сцена алтайской свадьбы, и другие компоненты композиции. Очень богат язык поэмы, выразительна речь персонажей. Автор сумел индивидуализировать язык героев. Им умело пользуется национальный фольклор. Фольклоризм эстетически обогащает поэтику произведения, придает ему особый аромат и колорит. Фольклор автором переосмысливается так, что нельзя установить прямых параллелей между образами поэмы и устным народным творчеством. Этот синтез сказывается в колоритности художественности произведения: яркости изобразительной системы произведения. Вот пример такого опосредованного фольклоризма:

Мөшлө шуулаган аркаларды
Маңдык тон эдип кийерим.
Соок сүрлү сүмерлерди
Содон бөрүктий кийерим.
Кадын сууны, көк-чаңкырды,
Кайыш курдый курчанарым,
Кырлар көксине кол сугуш,
Күмүш-алтынды аларым.
Ыраак теңериде јылдысты
Ууштап бажыма урарым.
Кырлардың көзи-көлдөрди
Күскү эдип, көрүнерим
Сүт ошкош аржан сууны
Сүмерлерден сорорым.
Кызыл тандакты мааны эдип,
Сыйра тартып аларым!

На плечи кину кедровую шубу,
Втачу карманы — бархатные рвы.

---

[23] Отзывы Вл. Луговского и др. напечатаны в разделе книги «О творчестве Э. Палкина» с. 77—88.

Набью в подклад задумчивого шума
Лесов и рек, пшеницы и травы.
Гонг откую из солнечной латуни,
Из звонких ливней выдерну струну,
Небесно-синим поясом Катуни
У шубы полы пышные стяну,
Пущу попоной сетчатые тени,
Коврами разбросаю облака,
Как шапку островерхую, надену
Серебряную глыбу ледника.
. . . . . .
Возьму аржана стынущего влагу —
В ней свежесть гор, нехоженых высот,
И разверну на полпланеты флагом
Багряный, чистый утренний восход[24].

Гиперболизм, фантастичность образов («небесно-синим поясом Катуни у шубы полы пышные стяну» и т. д.), узорность — все это в поэме от устной поэзии, все это придает произведению неповторимый колорит. Именно эта особенность отличает поэтический почерк Эркемена от других авторов.

Даже беглый анализ поэмы «Амыр» позволяет сделать вывод, что поэт не эксплуатирует фольклор, а умело использует поэтику народного творчества для усиления художественной и поэтической значимости произведения, для обогащения его языка. Это делает произведение еще более близким народному самосознанию, помогает глубже раскрыть психологию и характеры действующих лиц поэмы, более емко изобразить народную жизнь.

Своеобразие поэтического письма Эркемена Палкина в данном случае состоит в том, что у него эпос сливается с лирикой, и это составляет главную отличительную особенность поэмы «Амыр». Эпическое начало в творчестве Палкина — от алтайского фольклора, лирическое — в большей степени от характера самого автора и от русской поэзии. Сказанное подтверждается анализом художественных особенностей, фольклоризма и своеобразия языка и стиля поэмы.

Если в целом характеризовать своеобразие поэтического творчества автора, то можно утверждать, что Эркемен Палкин и поэт-эпик, поэт-лирик, поэт-публицист. В «Амыре» есть все названные компоненты его поэтического почерка. К примеру, поэт умеет сочно и

---

[24] Палкин Э. Такой обычай, с. 69.

точно описывать природу. Об этом свидетельствуют хотя бы такие образы: вечерние облака кажутся Амыру то «стариками с длинной трубкой во рту», то они «как утки», летят стаей», то как «зайцы, бегущие от собак», то удаляются, как «платки матерей, уезжающих на сенокос». Эти образы и сравнения правдивы и впечатляющи. Кто из нас, глядя за движущимися легкими облаками в небе, не испытывал подобных ассоциаций? Подобные компоненты поэтики усиливают художественное своеобразие поэмы, делая ее заметным явлением не только в алтайской литературе.

Глубоко прав был Вс. Иванов, отзыв которого на поэму «Амыр» мы приводили выше, в том, что многое в то время молодой поэт не разглядел, но которое, несомненно, увидит. Так оно и стало. Из года в год крепло и мужало поэтическое творчество Эркемена Палкина. После «Амыра» появились поэтические произведения с глубоким философским обобщением и показом разных человеческих судеб и характеров. К ним относятся поэмы «Наташа», «Желание» (Кӱӱн), «Черный огонь» («Кара от»), «Сердце» («Jӱрек»), «Синее небо» (Кӧк тенгери), «Ак таш» (Белый камень). Коротко познакомимся с некоторыми из них.

Вот небольшая поэма «Наташа», посвященная русской девушке-врачу, приехавшей из Москвы на Алтай, в отдаленное алтайское село, по распределению. Вся поэма как бы изнутри светится нежностью и глубокой признательностью скотоводов к очень нужному для людей труду врача. Автору удалось показать задушевную дружбу, возникшую между русской медичкой и жителями горного села. Наташа стала близкой и родной для них, потому что она бескорыстно служит этим людям, она как бы слилась с ними живя их заботами, горестями и радостями. В знак благодарности молодожены стали называть новорожденных девочек именем русской девушки-врача. Эта жизненная деталь, безусловно, символична. Наташа — это и благодарная память, и символ дружбы с русским народом.

Следует отметить, что тема дружбы русского и алтайского народов находит отражение в стихах и прозе Э. Палкина. Автор умеет об этом говорить без искусственной патетики и назидания, искренне и достойно. Так, и в «Амыре» правдив образ русской девушки Лены, приехавшей на практику в Горный Алтай и су-

мевшей завоевать любовь и уважение жителей гор так же, как и Наташа.

В поэме «Желание» автор неплохо раскрыл характер героини Динди, ее внутренний мир и сумел показать светлые устремления сельской интеллигенции. Жизнь сельской учительницы не всегда проходит гладко, автор как бы помогает своей героине терпеливо преодолеть жизненные неудачи и удары судьбы. Свое счастье девушка находит в служении людям. Читатель радуется вместе с героиней поэмы, что есть на земле хорошие, душевные люди, которые в трудную минуту вовремя придут с добрым словом, подскажут, приободрят. Если сказать кратко, — это поэма о становлении характера и мужания молодой героини, о доброте и милосердии.

Поэма «Сердце» посвящена национальному герою Конго Патрису Лумумбе. Автор нарисовал героический образ борца за свободу Африки, его жизнь и мужественную борьбу. Основной пафос произведения — утверждение мира на земле, борьба с ее врагами, победа над злом, вера в будущее, призыв к бдительности.

Поэма «Черный огонь» имеет глубокий философский смысл, хотя это произведение о любви. Она является свеобразным продолжением первой поэмы поэта — «Амыр». Герой еще более возмужал, набрался жизненного опыта; он претерпел превратности судьбы. Ударом для него явилась неразделенная любовь, оставившая глубокий след в душе героя, какой оставляет пламя черного огня — черных глаз. Автор использует в поэме метафорику и символические образы. Поэма полифонична по ритмике и интонации и очень лирична.

Поэма «Көк тенгери» («Синее небо») — несомненная удача поэта. Без всякого преувеличения можно сказать, что это новое слово в алтайской поэзии. Своей содержательно-формальной структурой она напоминает публицистическое эссе-размышление с глубоким внутренним философским подтекстом. Сюжет поэмы на первый взгляд очень прост. Ясное зимнее, звездное небо. Все покрыто белым снегом. Легкий морозец. Зимний вечер дышит здоровьем, очищает душу, наводит на размышления... В сельском клубе много народу. Идет совхозное собрание, посвященное итогам хозяйственного года, на котором присутствует герой. В горячей дискуссии принимают участие директор и рядовые труженики

совхоза, мужчины и женщины, молодые люди. Арбитром в бурных спорах выступает сам автор. В поэме нет ни главного героя, ни второстепенных персонажей. В ней речь идет о красоте мироздания и человека. Словом, действующими лицами являются люди и природа, мироздание и человек. Немного об истории поэмы «Синее небо». Написана она давно. Мы же анализируем ее журнальный, переработанный вариант[25]. Об этом автор пишет следующее: «Мне самому эта поэма чем-то нравится: то ли тем, что она отражает сегодняшнюю жизнь села, то ли чистотой и ясностью зимней природы с ее морозной свежестью, простотой и неприхотливостью деревенского уклада жизни, задушевностью и искренностью разговора сельчан?... Тем не менее мне все время казалось, что поэме не достает современного сельского дыхания... По этой причине у меня появилось желание доработать ее.

Проблемы, затронутые в поэме, мне кажется, созвучны задачам нашего времени. Надеюсь, что они найдут отзвук в сердцах читателей»[26].

Лирический герой поэмы выступает в сюжете не в роли стороннего наблюдателя, а как самый заинтересованный участник важного разговора. Но его позиция особая. Он, как судья, выслушивает, взвешивает тяжбу сторон, а затем выносит свои суждения и выводы. Он представлен здесь как связующее начало между теми, кто собрался в клубе, и законами совести, морали, самой жизни...

Мен көзнөккө јапшынып көрөдим,
Ак карла јалангдар мызылдайт,
Айдың түнде теңери суркурайт
Тымык јерди тыңдап угадым...[27]
. . . . . .

Я, прильнув к стеклу, смотрю в окно.
Сверкают поля, покрытые белым снегом,
В лунную ночь мигают звезды на небе,
Прислушиваясь к этой ночной тишине.

Эти строки обнажают роль автора как связующего звена между происходящим в клубе и мирозданием,

---

[25] Эркемен Палкин. Көк теңери. Эл-Алтай, 2-й выпуск. Горно-Алтайск, 1987, с. 7—20.

[26] Эркемен Палкин. Көк теңери. Эл-Алтай, 2-й выпуск. Горно-Алтайск. 1987, с. 7—20.

[27] Там же, с. 10.

окружающей действительностью, жизнью. Герой прислушивается к ночной тишине и ведет мысленный диалог с небом... Затем вновь возвращает внимание читателей к собранию в клубе. Автор метафорично изображает ораторов и сидящих в тесном клубе людей:

Ак тиштерлӱ каткылар.
Айткан сӧстӧр — јылдыстар[28]
. . . . . .

Их улыбки — белые зубы.
Произнесенные слова — звезды.

Язык поэмы во многом афористичен. Суждения автора лаконичны, четки и безаппеляционны. Читатель догадывается, что многие мысли и суждения идут отнюдь не от лица поэта, а от звездного неба, космоса, вселенной, мироздания. Существующую, хотя и невидимую связь природы, вселенной и живущих на земле людей не следует порывать. Любая неосторожность, любая неправда приводят к замыканию, утратившие эту связь теряют свое высокое предназначение быть Человеком. Многие строки поэмы в оригинале звучат как крылатые слова-афоризмы, они почти непереводимы, они аккумулируют в себе древнюю народную мудрость. В целях образного и углубленного восприятия этой мудрости автор умело вводит образы времени и часового маятника, а также суждения старца-аксакала и молодой женщины.

Маятник часов как бы помогает поэту сделать нужные смелые суждения о правде и лжи.

— Кайда чын, кайда чын? —
Стенеде час чатылдайт.
Отурган улуска (чым ла чым)
Јӱрегим араай куучындайт...
— Кару нӧкӧрлӧр, бай јадыгар.
Качан да ырызаар астыкпазын.
Јаҥыс ла јаан суу кечерде,
Кӧдӱрип алган мылтык чылап
Јӱрегееерди бийик тудыгар,
Калак, «чыктып» калбазын...
Стенеде час чатылдайт, чатылдайт.
Кем де туруп, база куучындайт[29].
. . . . . .

---

[28] Эркемен Палкин. Кӧк теҥери. Эл-Алтай, 2-й выпуск. Горно-Алтайск, 1987, с. 2.
[29] Там же, с. 9.

— Где правда, где правда? —
Часы на стене отбивают.
Сидящим в зале тихо, тихо
Сердце мое говорит...
— Уважаемые товарищи, живите богато.
Пусть никогда не оставляет вас счастье,
Когда вброд переходят реку,
Ружье держат высоко над головой,
Чтобы оно не подмокло...
Так же высоко держите свое сердце,
Чтобы оно не отсырело и не
покрылось плесенью.
А часы все тикают и тикают,
Кто-то вновь поднимается на трибуну.

На собрании столкнулись различные мнения. Здесь имеет место явная демагогия тех, кого одолела психология рвачества, кого не обошла стороной эпидемия вещизма, мещанства, обогащения, и тех, кто живет по законам совести. Лирический герой непосредственно не вмешивается в споры, а свои суждения арбитра — полномочного представителя самой жизни — передает через рассуждения участников собрания. Вот выступает молодая женщина:

— Салкын-эзиндий ак-чек jўрзеҥ,
Санаан ару, сыныҥ jеҥил не.
Кööркий санаан jарык ла болзо,
Кök теҥеридий jылдысту ине...[30]
. . . . . .

Если как воздух будешь жить
чисто и честно,
Будут светлым и возвышенными мысли,
Тебе будет легко.
Тогда так же, как это синее
звездное небо,
Будет чиста твоя совесть...

Теперь обратим внимание на старика-аксакала, который тоже «пришел на огонек», чтобы пообщаться с сельчанами, узнать «солын-табыш» — новости. И он не удержался от соблазна сказать свое слово:

Кажы ла кижиниҥ jакшызы
Jайыла тўшкен jалаҥдардый,
Jарып барган öзöктöрдий,
Jаан туулардыҥ бийигиндий...
Jедерге торт энчикпейдим
карузып.

---

[30] Там же, с. 13.

... Кажы ла кижиниҥ јакшызына
Јаҥы боочылар ашкандый,
Јаҥы јолдорло јорткондый,
Јаан сүүнедим јажына[31].
. . . . . .

Доброта каждого человека,
Словно раскинувшееся чистое поле,
Как озаренные светом долины,
Как высота больших гор,
К которым нежно тянусь в нетерпении.
... Доброте каждого человека
Я всегда радуюсь и испытываю
Такое ощущение, будто преодолел,
Новые перевалы, прошел новые пути.

В конце своей речи мудрый старец предупреждает, что в жизни бывает не все гладко, будут трудности и препятствия, которые надо преодолеть.

Ончо буудактар, тутактар —
Темирдеги кызыл таттый,
Теҥеридеги куу тумандый,
Түҥей ле бир арчылып калар[32].
. . . . . .

Все препятствия и недостатки,
Как на металле красная ржавчина,
Как на небе хмурые тучи,
Несомненно, исчезнут.

Суждения старика афористичны: «Тат өткүре — болоттыҥ јаркыны. Туман өткүре — көк-чаҥкыр теҥери» — «Сквозь ржавчину просматривается блеск стали, сквозь туман — сине-голубое небо». В поэме много тонов и красок. Имеет место и публицистика. Автор размышляет о проблемах сегодняшнего дня, философствует о бренности жизни. Здесь речь идет и о событиях, происходящих на мировой арене, и о наших внутренних проблемах, вызванных к жизни перестройкой. Героя волнует, что некоторые люди вступают в жизнь на правах «туристов» или в роли «сторонних наблюдателей», а другие смотрят на жизнь, как на чистое поле и как гости ждут приглашения, чтобы устроиться поудобнее. А между тем хозяевами жизни, утверждает поэма, являются все и каждому нужно обустраивать жизнь и улучшать ее. Таков главный вывод поэмы.

---

[31] Там же, с. 13.
[32] Там же, с. 14.

Бу jўрўмнинг кулы эмес,
Ээзи болор бис учурлу,
Мен этпезем, кем де этпес!
Мен-куруулу, сен-каруулу!
Ийе, ол-чын, ийе, ол-чын! —
Стенеде час чатылдайт[33].
. . . . . .

В этой жизни мы не рабы,
Мы должны быть хозяевами в ней,
Если я не сделаю, никто не
сделает за меня!
Я — ответственен, и ты —
ответственен!
Да, это так, да, это так! —
Тикают на стене часы...

В произведении нет четко очерченных композиционных границ. Весьма примечателен финал поэмы. Герой снова в пути. На следующее утро он стоит на развилке дороги в ожидании автобуса. Мимо него проезжают на личных машинах вчерашние знакомые и земляки. Эта сцена раскрывает двойственность человеческой души. Один из хозяев машины преследует лишь меркантильные цели, приглашая в салон тех, кто хорошо заплатит, другой неловко разводит руками и как бы извиняется перед лирическим героем-корреспондентом, что некуда посадить: машина переполнена людьми. Третий делает вид, что не замечает его и мимо проскакивает на своей ухоженной «Ниве»...

Перед поэтом промелькнули лица людей, которые только вчера говорили о чести, долге, совести, справедливости и других нравственных категориях, сегодня некоторые из них предстали в противоположной ипостаси. Вчерашняя дискуссия на совхозном собрании как бы выплеснулась под открытое небо... И автор на этом фоне продолжает свой суд. Поэма трудно поддается привычному литературоведческому анализу. Однако, ее внутренний голос, идущий подтекстом, заставляет читателя задуматься о многом. Смысловая и идейная нагрузка произведения как раз состоит в том, что вопросы, поставленные автором, будоражат душу, заставляют размышлять о времени и о себе. Поэма и сейчас отражает события, связанные с перестройкой, противоречивостью и сложностью сегодняшнего дня.

---

[33] Там же, с. 16.

Бийикте турган јарык јылдыс
Мени көрүп, мелтиреп келди:
— Болчок тураны узак тыңдадыс,
Бойоорды база көрдис — деди[34].
. . . . . .

Яркая звезда, светящаяся высоко в небе,
Увидев меня, замигала мне:
— Долго мы наблюдали за маленьким
домом,
Вас тоже увидели, — сказала...

Аккордом звучат возвышенные слова:

Јердиң үстин үргүљиге
Кеен, сүүнчилү таң јарытсын.
Јаан јүрүмниң кычырузы
Јүректерде тең томылзын.
Ару чаңкыр-көк теңери
Амаду болуп јарт јарыгай:
Түште болзо — Күн, тий бери,
Түнде болзо — јылдыс ла Ай![35]
. . . . . .

Пусть во веки веков людям светит
Утренняя заря, пусть сигнал
большой жизни
Всегда найдет отклик в ваших сердцах.
Пусть вечным примером цельности и
Постоянства будут для вас чистое
Сине-голубое небо и его светила:
Днем — Солнце, ночью — Звезды и Луна!

* * *

Эркемен Матынович Палкин широко известен в алтайской литературе не только как поэт, но он проявил себя и как интересный прозаик. Его перу принадлежат очерки, публицистические статьи и две повести, которые автором впоследствии были доработаны, объединены общим сюжетным стержнем и изданы как роман на алтайском и русском языках[36].

История этого произведения такова. В 1962 году алтайский читатель познакомился с лирической повестью

---

[34] Там же с. 17.
[35] Там же с. 19.
[36] Э. Палкин. «Алан». Горно-Алтайск. 1978. На русском языке роман вышел в Барнауле в 1975 г. и в Москве в изд-ве «Современник» в 1983 г. В первом издании — перевод А. Китайника, во втором — В. Чукреева.

Эркемена Палкина «Кулун киштейт»[37] — («Жеребенок ржет»). Повесть была воспринята с большим интересом. По просьбе читателей автор стал работать над ее продолжением. Через четыре года после выхода первой повести выходит из печати вторая под названием «Алан»[38]. При объединении этих двух повестей в единое художественное полотно автор скорее опирался на национальные традиции алтайской прозы и ее первых зачинателей: П. Кучияка («Адыйок»), М. Чевалкова («Жизнь Чевалкова» — «Чөбөлкөптүң јүрүмү», «Арину» Л. Кокышева (1959). Но главная черта прозаического творчества Э. Палкина та, что он никому не подражает, а имеет присущий только ему художественный почерк. В этом — художественно-эстетическое своеобразие романа «Алан».

Поэт по натуре, Эркемен Палкин и в прозе очень лиричен, в чем мы убеждаемся, читая его роман, работая над которым, по признанию самого автора, он старался решить две задачи. Во-первых, сохранить композиционную связь между всеми главами-новеллами и добиться внутренней завершенности каждой главы. Во-вторых, сохранить сюжетную структуру романа в целом, т. е. иметь общую связующую нить, на которую нанизываются новеллы-изображения отдельных событий, имеющие непосредственное отношение ко всему произведению и его главному герою — Алану. Тематика и проблематика романа — становление характеров героев, и прежде всего главного, — «цементируют» композицию произведения. Изображая жизнь послевоенной алтайской деревни, автор не лакирует ее, не уходит от острых проблем и конфликтных ситуаций. На примере судьбы своего героя автор сумел раскрыть типичные жизненные проблемы того периода. Одним словом, как справедливо обосновывает жанровое определение этого произведения литературовед Р. Палкина, «характер Алана Токтубаева — романный, он многогранен, изображен в движении и развитии. Широта взгляда на жизнь, житейская мудрость, мужество и стойкость героя выявляются и утверждаются в острых коллизиях, его облик приобретает цельность и законченность в борьбе. Автор исследует его

---

[37] Э. Палкин. «Кулун киштейт», Горно-Алтайск. 1962.
[38] Э. Палкин «Алан», Горно-Алтайск, 1966.

внутренний мир и убедительно раскрывает его»[39].

Роман новеллистичен; каждая глава с самостоятельным названием знакомит читателя с персонажами произведения, характеризует их, выявляя их положительные или отрицательные черты; иногда даются авторские резюме через лирические отступления, пейзажные зарисовки, символы и метафорику, фольклоризм. Например, первая глава называется «Дверь на замке», в которой автор знакомит читателя с главным героем романа Аланом Токтубаевым — солдатом, прошедшим пекло Отечественной войны, после ее окончания возвращающимся домой. В повествовании тонко передаются чувства Алана, вызываемые предстоящей встречей с матерью, родными и близкими людьми, родным селом (не случайно глава названа «Дверь на замке»).

Когда солдат приблизился к родному дому, дверь оказалась на замке. Уже эта сценка заставляет задуматься и задать вопрос: «А где же мать — хранительница очага?...».

Через жизненную биографию главного героя, его переживания и треволнения автор постепенно вводит читателя в круг разворачивающихся событий. Именно Алан является стержневым и цементирующим началом всего произведения, соединяющим все главы романа и судьбы остальных героев. Отсюда название произведения вполне оправданно. Через образ Алана автор рассматривает проблемы послевоенной жизни алтайской деревни. Последствия войны оставили большой отпечаток в душах людей. И не только. Они везде и во всем. Знаменитый Чуйский тракт уже не такой ухоженный, весь теперь вон в выбоинах и колдобинах; селения, мимо которых проезжал солдат, как бы стыдясь своей наготы и нищенского вида, прятались за деревьями. Алан видит плохо одетых и обутых земляков, перекосившиеся избы и редкие изгороди усадеб. Все это производило на солдата удручающее впечатление. Но впереди его ожидала радость от встречи с матерью и односельчанами. Это как-то успокаивало солдата, и он не поддавался унынию от увиденного, а наоборот, взбадривал себя. И так, каждая глава раскрывает жизнь людей в разных ипостасях. Через восприятие этой жизни главным героем, через его раздумья и переживания

---

[39] Р. Палкина. Роман в литературах народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 1979, с. 78.

«наполняется» сюжетная линия романа. Вот перед нами глава «Ӱч аил» («Три аила»), характеризующая живущие в них семьи Сайму, Шаты и Экчебея. Алан, побывав во всех трех аилах (юртах), делает вывод кто есть кто. Эти встречи дали ему пищу для раздумий и помогли ответить на многие жизненные вопросы, обуревавшие его. Из таких жизненных реалий строится все повествование. От главы к главе круг жизненных ситуаций, сцен и эпизодов расширяется; в орбиту повествования попадают новые люди, новые проблемы. Таким образом обогащается содержание романа, становится более очерченней сюжетное построение произведения: таким образом устанавливаются связи между главами и их персонажами, раскрываются характеры последних. Сюжет романа, отражающий своеобразие авторского мышления, его суждений и оценочных характеристик героев, художественных обобщений, «сотканн» из умело используемых фольклора и этнографии. обрядов и обычаев народа, позволяющих шире и глубже раскрыть картины народной жизни. Поэтому не зря в общении людей, в разговоре героев уместно употребляются пословицы и поговорки, меткие образные выражения, легенды и предания, а также песенный фольклор. Все это обогащает поэтику произведения. Например, органично используются предания предков о хозяевах гор, перевалов рек. Алан с детства, с молоком матери, впитал в себя народную мудрость и как бы слился с обычаями и преданиями народа. Поэтому он их соблюдает, почтительно относится к природе. Эта идущая из древности привязанность народа к родной земле, его экологическая грамотность — одна из особенностей художественности произведения.

Образы персонажей в подавляющем большинстве нарисованы правдиво, их характеры раскрываются с достаточной глубиной и достоверностью. Произведение исподволь как бы проникнуто тонким лиризмом, поэтому можно смело утверждать, что Эркемен Палкин тонкий лирик не только в алтайской поэзии, но и в прозе не изменяет своему поэтическому призванию. Образы персонажей романа подтверждают выше охарактеризованный художественно-эстетический уровень произведения.

С первой страницы произведения автор приковывает внимание к главному герою романа и его судьбе.

Кто такой Алан? Это сын потомственного скотовода. Его отец Токтубай, призванный в ряды защитников Родины, в первые же дни Великой Отечественной войны отдал свою жизнь на полях сражения с фашистами в суровом 1943 году. Алан отправился на фронт прямо со школьной скамьи безусым юнцом. Война закалила юношу. Он прошагал дорогами войны многие сотни верст, повидал европейские страны, встретил великую Победу в Берлине. И теперь он возвращается в родные горы настоящим мужчиной, видившим виды солдатом. Все события, описанные в романе, так или иначе связаны с героем или служат раскрытию его характера.

Читатель невольно становится участником событий, неотступно следуя за героем и сопереживая ему. В целях более глубокого раскрытия его психологии писатель умело использует изображение картин природы, живописуемых в приподнятых лирических тонах: «Небу — ясному, голубому — не было ни конца, ни края. Еще не выбравшееся из-за гор солнце отдавало ему весь этот щедрый блеск. Ветер трепал гимнастерку, теребил волосы, обдавал приятным холодком. А воздух, которым, казалось, можно захлебнуться — так густо был настоен на запахе хвои и трав, на медовом аромате цветов и терпкой горечи дыма, струившегося из островерхих аилов, — пьянил сильней араки»[40].

Неровная ухабистая дорога постепенно приближает Алана к дому. Сердце солдата в предвкушении большой радости встречи с родными неистово стучит в груди и, казалось, заглушает рокот мотора. Но встреча оказалась далеко не радостной... Мать Алана, Каракчи, умерла за неделю до возвращения сына. Трудно передать переживания человека, оказавшегося в подобной драматической ситуации. Эркемен Палкин достоверно сумел изобразить эту картину. Солдат — всегда солдат, но, когда удары судьбы подкарауливают его уже после всего, что им было пережито на фронте, переносить подобное в мирное время вдвойне тягостно: война, окопы, передовая, казалось, отняли все... Однако Алан по-солдатски переносит и это тяжкое испытание. Писатель очень тонко и психологически оправданно поведал читателям о состоянии героя, когда тому рассказали о смерти матери. Страницы, где автор пове-

---

[40] Арака — напиток, изготовляемый из кислого молока.

ствует о встрече Алана со старшей сестрой Дьала, с односельчанами, полна таких штрихов и деталей, которые трудно поддаются пересказу. В этом проявились сила художественного мышления, мастерство писателя. Алан уверен, что дверь на замке может быть оттого, что мать отлучилась по своим делам и скоро вернется. Он продолжает разговор со своими односельчанами, которых в доме сестры собралось много. Он со всеми приветливо здоровается, расспрашивает о их житье-бытье, но в голове у него одна мысль — скорее бы встретиться с матерью... Наконец Алан спрашивает у собравшихся, почему ее до сих пор нет... На его вопрос никто не отважился дать ответ, кроме аксакала, умудренного жизненным опытом, Алан не показал своей слабости. Вначале как ни в чем не бывало отвечал на вопросы односельчан, поддерживая беседу... Опомнился он только во дворе, когда при лунном свете колол дрова. Только чутьем настоящего художника можно уловить и изобразить внутреннее состояние человека в подобных экстремальных обстоятельствах. Эркемену Палкину это удалось передать мастерски. В романе много подобных находок, много запоминающихся деталей и целых картин. Писатель умеет не назидательно, а двумя-тремя предложениями, образными сравнениями передать очень существенные мысли и обобщения. Характеризуя фронтовиков-земляков, не вернувшихся с войны, он пишет: «На собрании они выступали первыми, в праздник — шли впереди всех, рядом со знаменем. И на войну ушли первыми».

Герой романа Э. Палкина — человек с активной жизненной позицией. Он понимает, что его поколению выпала тяжелая судьба. Многие не вернулись с войны, и память о них не дает права расслабляться тем, кто остался в живых. На долю фронтовиков ложится ответственная задача восстановить разрушенное. Это понимает Алан, этим пронизана вся его дальнейшая жизнь. Мужание его характера происходит постепенно. «Далеко отсюда прошла война, но жестоко пробороздила и горные хребты Алтая», — замечает автор. Свою надежду на улучшение жизни колхозники связывают с такими фронтовиками, как Алан, Экчебей, Акар, ибо хозяйство в упадке, к тому же председатель колхоза Тантыбаров оказался человеком нечестным и не чистым на руку. К примеру, он причинил большой

ущерб колхозу, выпустив из загона маралов, которые давали солидный доход колхозу. Это преступление было совершено председателем для того, чтобы запутать следы своих махинаций, уйти от ответа; он пользовался маральником, как своим личным хозяйством, резал животных и наживался, сбывая мясо «налево». Алан борется за правду и добивается своего: Тантыбаров был разоблачен и осужден народным судом на 6 лет. Через образ Алана писатель выражает свои сокровенные мысли и чувства. В характере и поступках героя много авторского.

Тема коллективного труда изображается образно и поэтично. Природа и труд людей, их жизнь одухотворяются и сливаются воедино. На протяжении всего романа звучит светлая нота: «Земля прекрасна». Герои произведения не только любуются красотой природы, но и участвуют в ее преобразовании. Алан вместе с колхозниками выходит на прокладку арыка. Он, стосковавшийся по земле, по работе, восклицает: «Работа — такая хорошая вещь!». Для Алана и его товарищей труд — это сама жизнь.

Анализ образов и характеров некоторых ведущих персонажей романа позволяет сделать вывод об идейно-художественном содержании произведения и помогает выявить особенности художественного письма и мышления ее автора.

Одним из ведущих персонажей романа наряду с Аланом Токтубаевым является Адыеков Учурал — человек целеустремленный, во многом подстать главному герою Алану. Это человек, наделенный жизненным опытом, умеющий понимать и правильно оценивать ситуацию; чуткий и внимательный к людям и их нуждам, тактично, без менторского тона умеющий указать на недостатки и ошибки того или иного человека. Как политический вожак (он является парторгом колхоза «Кызыл чолмон») Учурал Адыеков завоевал доверие колхозников, поэтому к нему за советом идут люди, не в пример Тантыбарову — председателю колхоза. В романе много эпизодов, характеризующих умение парторга работать с людьми там, где нужно посоветовать, подсказать, шуткой приободрить человека. Таковы сцены и эпизоды беседы парторга с комсомолкой Шине, которая ушла в себя после размолвки с Аланом. Удачно брошенная шутка в адрес старика Тодыра разряжает

обстановку. О внимании Учурала к людям свидетельствует и тот случай, когда Учурал поздравил с днем рождения и вручил скромный подарок Шине, которую никто раньше не поздравлял с этим днем. На обращение парторга принять участие в воскреснике по заготовке кормов откликаются все жители села от мала до велика. Большое воздействие со стороны этого человека было оказано на становление личности Алана Токтубаева. Благодаря добрым наставлениям парторга Алан формируется как цельная натура, как активный борец за подъем экономики колхоза и улучшение жизни и быта людей.

Как бы превратно ни истолковывали некоторые литературоведы роль коммунистов в произведениях советских писателей, однако жизнь доказывает свое; без участия коммунистов не было бы столь быстро восстановлено разрушенное хозяйство в послевоенный период и в последующие годы. Все зависит от писателя, от его художественного мастерства и его позиции в изображении партийного руководителя. Эркемену Палкину удалось создать правдивый образ коммуниста — партийного вожака Учурала Адыекова, и это не следует умалчивать. После банкротства председателя колхоза Тантыбарова колхозники останавливают свой выбор на Учурале Адыекове и единодушно избирают его председателем. При нем жизнь колхозников, экономика колхоза заметно улучшаются.

Автор сумел передать высокие моральные качества партийного вожака, простого и доступного в общении, морально устойчивого, справедливого, скромного. После смерти жены Адыеков глубоко верен ей, не желает обзоводиться новой семьей, считая свою первую любовь последней. Писатель не идеализирует Адыекова, не изображает его аскетом, порой бывающего упрямым и не уступчивым в своих решениях и действиях. Так, когда в правлении колхоза зашла речь о начале посевной кампании, члены правления предостерегали председателя не спешить с пахотой, однако Адыеков не внял их советам и сам стал за плуг. И, поскольку земля еще не оттаяла, вынужден был отказаться от своей затеи. Пожалуй, самый главный недостаток бывшего парторга при бывшем председателе колхоза Тантыбарове проявился в том, что он не смог вовремя и решительно приостановить преступные действия председателя.

Здесь автор, как нам кажется, погрешил против художественной правды, отошел от правды жизни... В самом деле, ответственность за деяния Тантыбарова в определенной мере ложится и на секретаря парткома колхоза... Отсюда и противоречие в изображении характера этого весьма ответственного персонажа романа. Однако в целом образ парторга нарисован автором правдиво, и он запоминается.

Остается в памяти образ Байзына Азанова, ранее, до ухода на фронт, работавшего председателем этого колхоза. Опыт руководящей работы приучил этого человека быть сдержанным и молчаливым. Если обстоятельства вынуждают его высказаться, то он это делает обдуманно и взвешенно. За эти качества его ценят и уважают люди. Когда возникала какая-либо конфликтная ситуация, то в качестве арбитра привлекался Байзын. Его слово, его решение для них становилось законом. Много полезного перенял от него и главный герой романа Алан. Однажды Азанов пригласил Алана к себе домой и долго беседовал с ним за чашкой чая. Алан с разрешения хозяина познакомился с его рабочим календарем и дневниковыми записями и многое извлек для себя. Эти документы научили Алана быть деловитым и пунктуальным, научили ценить время. Общение с Байзыном было для героя полезным во всех отношениях. Оно учило Алана выдержке. Одним словом, авторитет Азанова был неколебим. Алан считал его своим добрым наставником и чтил его, как родного отца. Честность и бескорыстие Байзына проявлялись порой наивно. Так, своей жене-кладовщику не позволял приносить домой продукты со склада без предварительного документального оформления (оплаты) в бухгалтерии. Все поступки и действия этого человека красивы, они ценятся людьми. Он отличный семьянин, внимателен и добр к своей жене, поэтому они живут в согласии и любви, люди их ставят в пример и стараются быть похожими на них.

Роман «населен» многими персонажами, и обо всех невозможно рассказать, да и нет такой необходимости. И тем не менее, для полноты раскрытия характера главного героя и содержания всего произведения необходимо обратить внимание на образы тех героев, которые так или иначе сюжетно и композиционно связаны с главным.

Таковыми, на наш взгляд, являются образы колхозников Акара, Багыра Темденова, секретаря райкома партии Козырева, а также некоторые образы женщин.

Вот перед нами довольно интересный образ Акара — фронтовика, повидавшего в своей жизни много хорошего и плохого, но никогда не унывавшего человека. Он познал сиротскую жизнь. Вместе с младшей сестренкой Мергенчи они жили в «людях», зарабатывая себе на пропитание. И на фронт его проводила единственная сестра. Будучи на войне, солдат почти не писал писем, да и к тому же был малограмотен. Он знал, что у него, кроме Мергенчи, никого нет и никто его не ждет, кроме нее. Изредка, в часы фронтовых передышек, Акар с большим усилием выводил на белом листке свои послания ей. Когда он возвратился с фронта в селение, его никто не узнал и не приветил, как привечали остальных фронтовиков. На его мужание, несомненно, оказало сильное влияние участие в Великой Отечественной войне. Даже Алан не узнал в нем прежнего забитого сироту. «Как он изменился, похорошел», — подумал про себя Алан при встрече с ним.

Сиротская доля и фронт научили героя многому. Акар приглашает в гости Алана и, как солдат солдату, раскрывает перед ним свою заветную тайну о том, что хочет жениться на русской девушке — Андреевой Ире. Побывав на его свадьбе, Алан с болью в груди задумывается над своими бедами. Он мысленно винит себя: — Неужели Акар характером сильнее меня? Почему я не могу достичь своей цели? Неужели Акар знает жизнь лучше меня?... А потом, как бы соглашаясь сам с собой, утверждает:

— Да, действительно, сиротская жизнь его многому научила...

«Все гости, побывавшие на свадьбе Акара, думали то же самое и разделяли радость и счастье молодоженов. Акар и Ира всегда открыты душой и сердцем перед миром, перед людьми, которые их окружают, совесть у них чиста перед ними, они, улыбаясь, встречают свою весну... Свое счастье они заработали своим трудолюбием», — пишет автор[41].

Одной из сюжетных линий романа является воссоздание образов молодых людей: к примеру, Багыра Тем-

---

[41] Смысловой перевод. — С. К.

денова. Несмотря на свою молодость (ему недавно исполнилось девятнадцать лет), Багыр Темденов завоевал авторитет у колхозников. Он не многословен, чаще воздействует на членов своей бригады не окриками и приказами, а личным примером. Раннему взрослению и самостоятельности Багыра способствовала сама жизнь. Отец погиб на войне и он, Багыр, как старший в семье, помогал своей матери. Окончив семь классов, он пошел работать. В годы военного лихолетья, как и другие подростки, Багыр рано повзрослел. Несмотря на то, что в целом образ Багыра автором нарисован положительно, однако в характере героя есть противоречивые черты. Например, непонятная его скрытая неприязнь к Алану, в их отношениях заметна психологическая несовместимость. Багыр не может долго находиться в кругу Алана. Когда встал вопрос, кого можно направить на лесозаготовки в Кебезень из крепких и здоровых мужчин, то Багыр из эгоистического желания лишь бы послали не его, называет кандидатуру Алана. Автор показал неуравновешенность Багыра Темденова, который бывает добрым и злым, веселым и хмурым. Эта противоречивость сказалась в жизни: Багыр не смог подняться в своем росте выше бригадира. Многие его сверстники достигали большего, и это озлобляло Багыра.

В произведениях многих писателей, и в этом отношении не составляет исключение и автор романа «Алан», не удаются образы секретарей райкомов партии. Вот и в романе Эркемена Палкина секретарь РК КПСС Козырев Александр Иванович схематичен. Образ не индивидуализирован и не психологизирован. Лишь бегло говорится, что Козырев воевал на фронте, демобилизовался по ранению и был направлен на партийную работу. Секретарем райкома он работает чуть больше года. Читатель знакомится с ним на общем собрании колхоза «Кызыл Чолмон», когда тот, выступая на собрании, призывает колхозников «вскрывать недостатки», крепить трудовую дисциплину, двигаться дальше к «светлому будущему». Схематизм образа проявляется и в других сценах. Эта заданность не вызывает большого интереса к нему, и образ остается «за кадром»... Надо признать, что это общий недостаток советской литературы в изображении «руководящей и направляющей роли партии».

Эволюция человеческих характеров, рост самосознания героев четко прослеживаются и через образы женщин. Запоминающимся является образ Шине — будущей невесты героя. Постепенно раскрываются черты характера героини. Ее задумчивость, озабоченность и серьезность объясняются тем, что она самая старшая в большой семье, лишившейся отца. Это положение обязывало Шине заменить младшим братьям и сестренкам родителей. Эту роль она выполняет естественно и спокойно. Главного героя романа судьба сводит с ней не случайно. Однажды он оказался в ее доме по поручению секретаря парткома Учурала Адыекова. Мать Шине, Экче, оказалась очень гостеприимной и разговорчивой. Она с нескрываемой гордостью рассказывала Алану о достоинствах своей старшей дочери; что Шине очень внимательна к своим младшим братишкам и сестренкам, следит за их поведением и учебой; ей хочется, чтобы они выучились и стали нужными, деятельными людьми. Мать Шине отмечает трудолюбие и скромность дочери, ее умение выполнять любую домашнюю работу. Столь высокая аттестация вполне понятна: в лице Алана Экче видит жениха, а в будущем — возможного зятя...

Алан обратил внимание на эту красивую и молчаливую девушку-комсомолку в первые же дни своего возвращения с фронта. Шине с большим интересом слушала рассказы Алана о войне, задавала ему вопросы. Ему импонировали ее умные суждения о перестройке жизни и быта села, о подъеме экономики колхоза. Она решительно поддержала Алана, высказавшегося против ложных сводок, которые требовал у бригадира Качаа Кертеков. Когда Алан из-за этого вступил в ссору с последним, Шине поддержала Алана: «Оказывается, у нас есть люди, которые умеют различать ложь от правды». Шине в постоянном искании в постоянном стремлении расширить свой кругозор. Она страстно желает учиться. Правление колхоза направляет ее на учебу в город, в сельхозшколу. Хотя курсы были кратковременными, девушка успела познать многое. Это прибавило ей силы, знакомство с городской жизнью расширило ее кругозор, она мечтает и дальше совершенствовать свои знания. Она пользуется уважением у людей своей добросовестностью и порядочностью, трудолюбием и честностью. Алан оценил ее. Однако

неоднократно их отношения усложнялись. И все же справедливость восторжествовала: честность и целомудрие Шине вознаграждаются.

Другим запоминающимся персонажем романа является молодая героиня — учетчица Шура. Она из состоятельной, работящей семьи. Ее отец Сайму — один из зачинателей колхозного движения; в период коллективизации в тридцатые годы назначался председателем сельхозартели, а в военные сороковые годы работал полеводом, Шура — его единственная дочь. Ей уже двадцать три года. Пора бы выходить замуж, но родители строгих нравов ищут подходящего жениха.

Красивая, деловая и серьезная Шура пользуется уважением среди односельчан. Старшая сестра Алана — Дьалаа — в ней души не чает и желает, чтобы она стала женой Алана. Нежданно-негаданно девушку подстерегла беда. Ее отец, будучи на охоте, в схватке с медведем был тяжело изранен и скончался. Жених Шуры — фронтовик Экчебей умер от ран. Она мечтала соединить свою жизнь с Аланом, но он не разделил ее любви. Он выбирает Шине и женится на ней.

Автор сумел тонко передать психологию своей героини, раскрыть ее переживания, наделить Шуру крепкими волевыми качествами, которые дают основание верить в ее хорошее будущее.

В романе много других персонажей, не оставляющих равнодушными читателей. Таковы, например, образы фронтовика Экчебея и старика Дьумура. Как справедливо сетует в лирическом отступлении автор, если бы не война, унесшая жизни многих талантливых людей, таких, как Экчебей, жизнь сейчас была бы другой... Такие парни, каким был Экчебей, сделали много хорошего для ее улучшения. Казалось, самой природой он был наделен талантом, умом, знаниями, хотя ему как и Алану, удалось закончить только семь классов. Обладая смекалкой, он самостоятельно расширил свои познания, научился понимать великую книгу жизни. Он умел хорошо говорить, его рассказы люди слушали затаив дыхание, он добротно выполнял дело, за которое брался. Автором воссоздана колоритная, цельная натура.

Другим не менее сильным и цельным человеком изображен старый табунщик Дьумур Артыков, человек удивительного мужества и крепкого духа. Он ни-

когда не преклонялся перед начальством, имел свое собственное «я». Своим стойким характером и волевыми качествами он, несомненно, оказал влияние на Алана, который был направлен к нему помощником. Общаясь с видавшим виды, познавшим жизненные невзгоды и удары судьбы человеком, Алан извлек для себя много полезного. Для Алана совместная работа с табунщиком была своеобразной стажировкой по закалке духа. Дьумур был без одного глаза. А случилось это в молодости во время охоты на уток. При выстреле отскочил шуруп от карабина и попал в глаз. Дьумур своими руками вынул железо из глаз. Он собственноручно сдает властям своего сына-дезертира. Именно такие люди являются творцами и двигателями жизни. Дьумур прямо, без обиняков, заявляет: «Хотя я живу в тайге, но отсюда вижу, что происходит в колхозе. Хочу откровенно сказать: Мырчыю и Качаа надо добровольно сдать занимаемые ими посты. Хватит! Всему свое время!».

К эпизодическим персонажам романа можно отнести комсомолку Умсуур, старшую сестру Алана — Дьалаа, мать его невесты Экче, умного старика Тодыра и других. У всех у них свои художественные функции в решении идейно-художественных задач произведения.

Герои книги как бы взяты из самой жизни, они живут, действуют. Их образы не схематичны, они запоминаются и подают добрый пример. Это главное свидетельство того, что автору удалось решить свою сверхзадачу — правдиво изобразить наших современников и рассказать о трудном послевоенном времени. Читатели узнают из романа «Алан» еще об одной яркой странице жизни алтайского народа, который вместе с остальными народами сумел вынести тяготы войны с фашизмом и трудности восстановительного периода. Писатель Эркемен Палкин сумел художественно убедительно отобразить это сложное время.

„О творчестве Э. Палкина“

(отзывы учителей-писателей)

В. ЛУГОВСКОЙ

ОТЗЫВ
на дипломную работу Э. ПАЛКИНА

Эркемен ПАЛКИН — один из талантливых людей, которых я встречал за время моей работы в институте. Необыкновенная наблюдательность, образная мощь, широта раздумий заставляет меня считать этого совсем молодого поэта зрелым литератором.

На все у него особый угол зрения, свое слово, своя хватка. Причем, эта хватка очень скромная, полная своеобразного достоинства.

Он описывает природу кистью широкой и смелой, людей — с большой душой и вниманием. Отчетливо видит их достоинства и недостатки, не скрывая ни тех, ни других. В нем горит чувство первооткрывателя своей страны. И говорит он о ней словами новыми, захватывающими. Я приведу длиннейшую цитату, которую нельзя сократить, так как мне просто самому приятно ее читать и передавать другим.

«Не раз я слышал у стариков,
как алтайцы рубались
С врагами на грозном берегу Бия.
Но не слышал я, сын колхозника,
Как кричат верблюды ночных людей,
грабителей.
Не возил я дань монгольскому хану,
Как мой дед с заячьей белой головой.
Не дрожал я без воды на красных песках
пустыни,
Не дрался с ворами на пустыне по дороге,
Не спрашивал я у шамана здоровье,
За Бурхан не молился я камню.
Не видел я жен, которые прыгали
в Катунь,
Убегая от мужа нелюбимого, от неволи.
Здешний народ от криков врагов
Потерялся в горах, как маленький дождь
в засухе.
Молчали горы, кричали звери,
Казалось, везде и всюду закрыто в мир.
Я человек другой эпохи,
Других удивлений вам говорю.
Мое время — время песен,
Слышу песню моих друзей.
Они в стране скал, в стране сказок
Пришли из Москвы, из Киева.

Они пришли, чтобы всем молчаливым
Дать радость, рассказы, песню.
Хорошо! Изменяется лицо моей земли,
Жизнью запоют безъязыкие скалы.

Замечательны его стихи о Беркуте, который сидит на кургане и смотрит как разворачиваются пласты земли и как новая эпоха открывается перед ним. Сказочен мир. Эркемена Палкина: отголоски богатырских сказок звучат в его стихах. Вот он вспоминает свое детство в стихотворении «Пить хочу».

«Пить хочу, — говорит он.
— Ничего, спи. Пусть утро настанет —
Шептала мать сквозь сон.
— Ночью мышенок принесет
Тебе воду
В маленьком ведерке из березовой коры.

Очень человечны его стихи «Старик», который хочет ловить сусликов. Он одинок, о нем никто не заботится дома. Так же трогательная и человечна поэма «Наташа» о русской женщине, которая работает врачом; она приносит много света и здоровья в алтайские селенья, хотя работает Наташа в самых трудных условиях. Именем Наташи стали алтайцы называть своих дочерей.

Прекрасное дарование Эркемена ПАЛКИНА лучше всего выражено в поэме «Амыр». О чем эта поэма? (2,5 тысячи строк). Даже трудно рассказать о чем. Студент приезжает на Родину, в Горный Алтай. Он много наблюдает, горюет, влюбляется, знакомится, расстается — это целая цепь раздумий о судьбе своей родины, о ее природе, о своем народе, любовное истолкование обычаев старины, вообще *эта поэма о становлении молодой горно-алтайской интеллигенции.*

В этом ее историческая заслуга. Можно сказать, что таких поэм у нашей литературы мало. Она полна умного патриотизма:

«Алтайский ветерок дует в лицо!
Утро раннее, в долине тает туман.
Небо колышется, как синее знамя.
Солнце лучисто. Горы голубеют.
Сокол парит, поднимается все выше
и выше,
Мою мечту вдалеке высокая гора
Своими снежными пиками манит к себе.
Мне как-то и радостно и легко,
Кажется, все меня радует.

Белое шоссе ремнем вьется по горам,
Колхозники идут на сенокос.
Хочется куда-то лететь, лететь далеко,
С нетерпением смотрю на синеву.
Я возвратился с дальнего пути,
Теперь земля, где я рос, удивительна
и таинственна.
Знаю, здесь поднимается молодая жизнь,
Кругом смотреть хорошо.
Здравствуйте, горы! Здравствуйте, поля!
Здравствуй, Катунь, дочь Алтая!
Скорее дайте мне воды холодного
аржана,
Покажите скорее мне огромные горы.
Простите мою глупость, я соскучился
по вам».

Мы слышим у ПАЛКИНА не только романтические восторги, у него много ненависти к бездушным чиновникам:

«Опять я иду по грязным улицам,
Опять я слышу песни пивных.
Хотя мало говорят об Алтае,
Наши, неумеющие рассказывать газеты».

Большая жажда к светлой жизни, огромная любовь к своему народу владеет Эркеменом на его творческом пути

«Хочу я слушать твои приказы,
Дай мне силу, заставь работать.
Хочу я видеть твой шумный рост,
Сердца сыновей подними, пусть
почувствуют они.
Пусть моя кровь кипит, как горная река,
Когда я приезжаю сюда.
Что мне делать, куда идти надо? —
«Пусть мне будет ясно, что делать
впереди...
Ты стал городом студентов.
Это меня радует, когда думаю о тебе.
Нас тоже не забывай, жди,
Вместе будем работать на Алтае».

Удивительно точны и метки отдельные фразы и наблюдения:

«В последний студенческий вечер
Все говорили свои заветные слова,
Как будто идут на войну».

Эркемен лепит свои образы спокойной и уверенной рукой. Он бережно обращается с этими образами.

Любуется их человеческими качествами. Вот его бабушка:

«За то, что вы много увидели в жизни,
Преклоняюсь перед вами, не удивляйтесь.
Вы теперь встаете, рукой опираясь
о землю,
Это понятно, вам уже за семьдесят.
Передо мной стоите как лиственница
осенним утром,
Которая покрыта толстым инеем
и тихо стоит.
«— У вас голова стала белее, чем
в прошлом году,
Как это быстро», — сказал Амыр,
«— Впереди у меня дней мало стало,
А позади много».

Чудесно рассказывает эта бабушка Амыру про свою молодость.

«А знаешь, твои родители
Не то что любить, даже не знали
друг друга.
Как видишь, они до сих пор
живут вместе...
А когда меня выдали замуж
за твоего деда,
Говорили, что деду твоему
четырнадцать лет.
Он, как волченок, прямо на меня смотрел.
Ко мне долго не приближался,
убегал».

В поэме много отличных и драгоценных мест. Запоминается образ невесты на алтайской свадьбе. Нежная и грустная нота звучит в этом описании. *Поэма «Амыр» очень большое событие для литературы Горного Алтая и прекрасный подарок всей нашей советской литературе.* Примечательны последние слова поэмы:

«Болит мое сердце, мне помощь нужна
Пусть мне поможет Москва!
Кто должен услышать меня?
Я не должен разве радоваться?
Я хочу, чтобы любовь множилась,
Хочу увидеть богатую жизнь!..
Если я все сброшу, не буду думать,
Радость мне откуда ждать?
Если все будет так, как раньше,
Чем же мне жить?
Вы, маленькие и большие препятствия,
Вас хорошо понимаю я.
Но свое стремление — радость
из сердца не вырву,
Никогда, никогда, никогда!»

Первоклассная дипломная работа Эркимена ПАЛКИНА заслуживает самой высокой оценки.

23/II—57 г.

СИДЕЛЬНИКОВ В. М.

Для творческой кафедры Литературного ин-та имени А. М. Горького при Союзе Сов. писателей

ОТЗЫВ
на стихотворения студента 5-го курса ПАЛКИНА Эркемена.

В дипломную работу тов. ПАЛКИН — Эркемена (псевдоним) вошли две поэмы («Амыр» и «Наташа») и десять стихотворений, «Старик», «Лесистая гора молча чернеет», «На поле моем», «Я родился у подножья этой горы», «Мое время», «Курган», «Козленок маленький», «Передо мною дорога и ты», «Ночь стоит в подмосковье», «Петь хочется».

Вся работа представлена в подстрочном переводе и поэтому очень трудно судить о творческих достижениях автора в смысле мастерства. Но данный материал дает прекрасное представление об авторском кругозоре, его интересах, о тематической широте. Особенно в этом отношении любопытна его поэма «Амыр». Она насыщена историческим материалом краеведческого порядка. Здесь много приведено народных сказаний, примет, пословиц и поговорок. Замечательно раскрыт быт алтайцев. Эта поэма является «энциклопедией» Алтайского края. И что особенно, важно, весь этот материал излагается с любовью к своему краю, к людям этого края, к его природе. А это, как мне кажется, самое главное в творческой работе. Если поэт прекрасно знает материал, с любовью садится за его обработку — значит толк будет. И действительно, если вы почитаете стихи ПАЛКИНА, то от них и веет этой любовью. В его поэме много подкупающих мест, гово-

рящих о наблюдательности автора, об его умеьи мыслить яркими образами. Например: «Студент едет в край родной, едет из Москвы вместе с летом. Вместе с незнакомыми людьми в вагоне он разговаривает, смеется, поет. Как птенец, который научился летать, так юноша начал жизнь свою» (стр. 1—2).

Много у автора пейзажных зарисовок, которые не стоят особняком в поэме, а органичны со всем контекстом:

Алтайский ветерок дует в лицо!
Утро раннее. В долине тает туман.
Небо колышется, как синее знамя.
Солнце лучисто. Горы голубеют.
Сокол парит, поднимается выше и выше,
Мою мечту вдалеке высокая гора
Своими пиками манит к себе.

Особенно в стихах и поэмах ПАЛКИН подкупает патриотизм — любовь к своему краю, гордость и какое-то любование природы Алтая. Мне кажется это очень хорошо, кроме любви к Родине, у него есть страстная любовь к своему краю, где он родился и вырос, и куда он едет работать. Эта любовь сыграет свою роль в творческом росте поэта, он поможет дать ему ряд полноценных произведений. У товарища ПАЛКИНА для этого все данные налицо. Он способный поэт, умеет находить тему для своих произведений, владеет сюжетом, а главное умеет «забирать» материал и не тонет в нем. Товарищ ПАЛКИН вместе со своими товарищами, оканчивающими наш институт, впишут интересную страницу в историю алтайской поэзии. Они являются продолжателями тех поэтических традиций, которые там были и в народном стихе, и в творчестве Кучияка. Нельзя сказать, что они зачинатели алтайской поэзии. Это был талантливый писатель. И вот тов. ПАЛКИН и его друзья должны продолжить эти традиции, расширяя их и обновляя.

Но один совет этим товарищам: читайте больше, не останавливайтесь на достигнутом. У вас еще маловат богаж для дальнейшего роста. К вашим способностям нужна культура. Обогащайте себя и дальше и не только наблюдениями, но и книгами.

Анализировать стихи я не буду: трудно на подстрочниках это делать. Здесь руководитель дал подробную и яркую характеристику творческой работы поэта. На-

до присоединиться к этой оценке. Но еще раз повторяю, что стихи интересны своею содержательностью, глубиною мысли. Они познавательны и при чтении оставляют след в памяти. Автор несомненно способный человек. Поэт из него получится хороший. И его стихи я рассматриваю, как хорошее начало его творческого пути. Желаю ему дальнейшего роста, чтобы он из птенца превратился в горно-алтайского соловья и чтоб песни этого соловья потом были слышны и в нашей стороне.

Предлагаю его дипломной работе дать хорошую оценку. Он ее заслуживает.

СВЕТЛОВ М. А.

ЭРКЕМЕН. СТИХИ И ПОЭМА «АМЫР». ДИПЛОМНАЯ РАБОТА.

Начну с поэмы. До чего же нашу поэтическую молодежь тянет к поэмам! За все время существования советской власти было написано от силы до десятка настоящих поэм. А в предлагаемой поэме не менее двух с половиной тысячи строк. И, конечно, это никакая не поэма. *Сам герой поэмы — Амыр — безличен.* Его разглядываешь, как сквозь густой туман — увидишь хоть какой-нибудь нос, или щеки — чьи неважно. Ведь, герой «поэмы» всех молодых поэтов все на одно лицо. Конечно, предки его — этого героя — были жестоко угнетаемы царским правительством, была тьма, а стал свет, молодежь была, как в тюрьме, а сейчас вышла на широкие просторы. Это для вас неожиданность дорогие мои студенты? Это для вас открытие? Может быть, вы в поэмах не встречали ни одного старика, который бы не рассказывал бы аллегорически легенду молодежи. Таким образом, первым признаком таких поэм, является бедность мысли. Где желание принести новое в поэзию? И почему такая уверенность в себе, когда можешь только преодолеть Воробьевы горы, а уже лезешь на Эльбрус?

Есть у меня на семинаре такой студент Лисин.

Он сказал, что он прочтет мне часть своей поэмы. У меня сразу уши увяли, но я собрал всю свою волю и приготовился слушать. Я ждал, что опять появится красавица девушка, которая всех покоряет, но равнодушна ко всем и пристрастна только к одному, и из нее получается такой блестящий инженер, что капитализм прямо содрогается от зависти.

И как же я был приятно удивлен, когда на меня повеяло свежим дыханием поэта, когда я убедился в том, что *он ни у кого не одалживает ни мыслей, ни темперамента, ни индивидуальности.* Просто, когда я убедился в том, что он имеет право писать поэмы. За все время моего преподавания в институте я увидел *первого студента, имеющего на это право.* Эркемен право на это еще не имеет, хотя многое в его поэме обаятельно (но не как составная часть поэмы, а как отдельные восприятия талантливого человека). А он, безусловно талантлив. У него есть все нужное для поэта, у него только еще нет опыта и мастерства. Почему-то мне кажется, что он эти качества приобретет, хотя у него часто попадаются совсем неудобоваримые для поэзии строки:

С ним кратко поговорил директор
института,
А потом выступил русский человек
Иванов из обкома...
И сказал: — «Я хочу поговорить с вами.
Завтра в обком приходите,
Там поговорим, побеседуем...
Его мать в тайге на ферме
Работала дояркой с основания колхоза...
Гостиницу построили, будет большой клуб.
Но ты будешь помогать нам?
Людям о Москве расскажи. Езжай
по бригадам.
Устраивай собранья. Критикуй наших
лодырей...

Как много в поэме таких мест. И какая же это поэзия? Это даже для прозы удивительно плох.

А, вместе с тем, в поэме есть очень точно написанные куски:

И вечерние смирные облака
Из себя строили красивые фигуры.
То они сидели, как старик — во рту
длинная трубка —

То как утки летели, которых
мы пугали на озере,
То, как зайцы, которые бегут от собаки,
То уходили, как платки наших матерей,
Которые уезжали на сенокос...

Герой показывает своему младшему брату фотографию Москвы. Братишка смотрит на огромные дома и удивлен:

Ака, как много здесь красивых скал!..
Заря мило, как маленький птенец,
белеет чуть-чуть...
А что, в Москве рано будят?
Спрашивает его мать...
Будет время, когда до Москвы
Можно будет доехать быстрее, чем ты
подоишь кобылу..
Это спросила женщина-чабан,
И внимательно смотрит в лицо Амыра
Как будто видит в его глазах Москву...
Ну, как в Москве встречаешься
с вождями нашими?
Это опять спрашивает Шорчи...

Таких, я бы сказал, — «чистосердечных» кусков в поэме довольно много, но они сами по себе не могут создать поэмы, так же, как из одних красивых глаз и тоненьких пальчиков нельзя создать женщины. Не хватает пока что у молодого поэта кирпичей для постройки высотного здания поэмы.

А вот со стихами дело обстоит куда лучше. Тут у Эркемена хватает строительных материалов для постройки коттеджей на участке поэзии, хотя и тут он не всегда свободен от чужих влияний. Я не стану подробно разбирать эти стихи, доказывать их огромные преимущества перед поэмой. И если я буду иметь возможность присутствовать на защите Эркеменом своего диплома, я постараюсь убедительно доказать это.

Эркемен — поэт молодой и его достижений вполне достаточно, чтобы защитить диплом на «отлично».

Вс. ИВАНОВ

ОТЗЫВ НА ДИПЛОМНУЮ РАБОТУ Э. ПАЛКИНА «АМЫР»

Я не согласен со Светловым в его оценке поэмы Эркемена «Амыр», и категорически возражаю, что Эркемен не имеет права писать поэмы.

Слова «поэма» чрезвычайно растяжимо, в особенности в наше время. Чаще всего сейчас — это сборник стихотворений, объединенных передвижением одного или двух героев во времени и пространстве или же расширенная баллада, а иногда и повесть переложенная в стихи. Очень редко бывает у нас поэм-романов в стихах, как это было, скажем, у Пушкина. По-видимому, поэты ищут форму поэмы, и не нашли ее, кроме М. Светлова, который знает, что такое поэма, но не говорит нам об этом. «Нельзя так!» — и только.

А почему нельзя?

Эркемен, по-моему, как и другие поэты ищет форму поэмы.

Сейчас он написал идиллию. Да, поэтическую идиллию, которая свершилась в Алтайских горах. Содержание ее, как и всякой идиллии, очень несложно. Это, в сущности, передача настроения — чувства восхищения, главным образом. Студент учащийся в Москве, приехал к себе на родину и с восторгом глядит на все окружающее: на природу, на родственников, на старика, который вспоминает о прошлом, на девушку, которая ему нравится, с восторгом, быть может, даже излишним, вспоминает он о Москве. Вот и все. Конечно, штамп «безконфликтности», который мы теперь тычем направо и налево, и часто без толку, можно ткнуть и в эту поэму. Да, она окажется безконфликтной! Ну, и что же? Я считаю, что если поэт хочет писать безконфликтные вещи, идиллистические, — пусть пишет! Лишь бы было хорошо. Пейзаж, который пишут художники, тоже ведь, большей частью, безконфликтен, если туда, скажем, не пущены медвежата — «Утро в лесу» Шишкина, — и однако, мы смотрим на пейзаж с удовольствием и, иногда даже с большим удовольствием. В поэме — «Амыр» много пейзажа, этнографии, местных обычаев, разговоров, рассказов... это словно бы вступление к какой-то огромной битве, и каким-то гигантским подвигам, кото-

рые суждены героям поэмы, но которых еще автор не разглядел, но которые, несомненно, увидит.

Мне эта поэма кажется талантливой.

Диплом надо считать защищенным.

30 марта 1957 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

О жизни и творчестве Э. М. Палкина

На русском языке

О присвоении почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» *Палкину Э. М.*: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР // Звезда Алтая. — 1982. — 4 июля.

О награждении *Палкина Э. М.* орденом Дружбы народов: Указ Президиума Верховного Совета СССР // Алт. правда. — 1984. — 20 нояб.

Эркемен Палкин: (Краткая биогр. справка) // Поэты народов Сибири. — Новосибирск, 1967. — с. 424.

То же (с изм. и доп.) // Октябрь в нашей песне. — Горно-Алтайск, 1967. — С. 279—280; Поэты Горного Алтая. — Новосибирск, 1972. — С. 122; Алтайская литература: Хрестоматия. — Горно-Алтайск, 1973. — С. 248; Алтайская песня о Ленине. — Горно-Алтайск, 1976. — С. 194.

Лисовский К. Два тракта // Огонек. — 1953. — № 44. — С. 6—8.

Коптелов А., Суразаков С. Молодая литература Горного Алтая // Литература народов Сибири. — Новосибирск, 1956. — С. 128—129.

Дементьев В. Песни Горного Алтая // Дружба народов. 1957. — № 8. — С. 193—194.

Суразаков С. С. О развитии алтайской советской литературы // Учен. зап. Горно-Алт. НИИИЯЛ. — Вып. 3 — 1960. — С. 100—121.

Кондаков Г. Восхождение продолжается // Алт. правда. — 1960. — 27 сент.

Коптелов А. Поэты Горного Алтая // Песни голубых долин. — Горно-Алтайск, 1963. — С. 3—29.

То же // Алтай. — 1962. — № 1. — С. 118—128.

То же // Коптелов А. Мои современники. — Барнаул, 1963. — С. 135—157.

Чичинов В. Счастья тебе, Эркемен! // Звезда Алтая — 1963. — 12 мая.

Чичинов В. Поэт мечты и юношеского порыва // Алтай. — 1964. — № 2. — С. 113—114.

Каташ С. С., Кондаков Г. В. Алтайская литература на современном этапе // Очерки по истории алтайской литературы. — Горно-Алтайск, 1969. — С. 100—124, 139—147, 149—152, 156—158.

Каташ С. С. Но радость — неистребима // Звезда Алтая. — 1971. — 3 авг.

Каташ С. С. В поисках радостей // Каташ С. С. Литературные портреты. — Горно-Алтайск, 1971. — С. 114—134.

То же // Алт. правда. — 1972. — 15 янв.

Фоняков И. Дорога ведущая к звездам // Лит, газета. — 1972. — 20 сент.

Бочаров М. На путях к зрелости // Октябрь. — 1973. — № 1. — С. 148.

Каташ С., Чичинов В. «Долина поэтов» // Каташ С., Чичинов В. Путь молодой литературы. — —Горно-Алтайск, 1973. — С. 91—94.

Коптелов А. Могучие силы могучего края // Лит. газета. — 1974. — 23 янв.

Фоняков И. «Мне судьбы красивей и чудесней не придумать» // Лит. обозрение. — 1975. № 12. — С. 28—29.

Чичинов В., Прийма А. Е. Залог возмужания // Звезда Алтая. — 1975. — 15 мая.

Горохов Е. Долина поэтов // Крокодил. — 1977. — № 32. — С. 10.

Перехватов В. Эфиопский блокнот // Иностр. лит. — 1981. — № 8. — С. 230—236.

Дементьев В. Пламя поэзии Алтая // Сиб. огни. — 1982. — № 5. — С. 155—160.

Кондаков Г. Журавли над колыбелью: Владимир Луговской и алтайская поэзия // Звезда Алтая. — 1982. — 22 сент.

Кто над чем работает // Лит. Россия. — 1983. — 1 янв.

Бикмухаметов Р. Орбиты взаимодействия. — М., 1983.

Каташ С. С. «Когда земля богата человеком...»: Творч. порт. // Звезда Алтая. — 1984. — 18 окт.

Палкин Эркемен Матынович. Некролог // Звезда Алтая. — 1991: — 21 апр.

То же // Алт. Чолмоны. — 1991. — 21 апр.

Демченко А. М. Диалог с поэтом: Памяти Эркемена Палкина // Звезда Алтая. — 1991. — 8 мая.

Адаров А. «У самого сердца качайтесь цветы...» // Звезда Алтая. — 1991. — 4 дек.

Каташ С. С. Правда жизни: (О прозе Э. Палкина) // Звезда Алтая. — 1992. — 27 окт.

Каташ С. С. Эркемен — ласковый человек: Памяти писателя Э. Палкина // Звезда Алтая. — 1992. — 10—11 сент.

Каташ С. С. (Краткая биографическая справка о творчестве Э. М. Палкина). Алтай литература: Хрестоматия 7—8 кл. Горно-Алтайск, 1972 — С. 238.

Его же. Учебник Алтай литература. Хрестоматия 10 кл. Горно-Алтайск, 1978. — С. 227.

Кондратьев Г. Мужание характера // Звезда Алтая. — 1972. — 12 авг.

Петрусевич Э. Когда люди вместе // Алт. правда. — 1972. — 18 нояб.

Каташ С. С., Чичинов В. И. Рожденные Октябрем // Каташ С. С., Чичинов В. И. Путь молодой литературы. — Горно-Алтайск, 1975. — С. 16—17.

Палкина Р. А. Об особенностях развития алтайской прозы на современном этапе // Актуальные вопросы современной алтайской литературы. — Горно-Алтайск, 1975. — С. 94.

Якимова Л. П. Единая, многоликая // Дальний восток. — 1975. — № 10. — С. 138—140.

Палкина Р. А. О выразительности слова в алтайских повестях и романах // Вопросы алтайского языкознания. — Горно-Алтайск, 1976. — С. 117—118.

Палкина Р. А. Зарождение прозы в литературах народов Южной Сибири (алтайцев, тувинцев, хакасов) // Учен. зап. Хакасского НИИИЯЛ. — 1976. — № 20.

Кондаков Г. Алан // Лит. обозрение. — 1976. — № 8. — С. 43—44.

Палкина Р. А. О романе «Алан» // Палкина Р. А. Роман в литературах народов Южной Сибири. — Горно-Алтайск, 1979. — С. 100, 117—118, 120.

Палкина Р. А. О роли фольклора в формировании языка автора романа // Улагашевские чтения. — Вып. 1. — Горно-Алтайск, 1979 — С. 49.

Турков А. История и современность // Байкал. — 1980. — № 4. — С. 121.

Палкина Р. А. Движение к многомерности: О современной алтайской прозе // Алтайский фольклор и литература. — Горно-Алтайск, 1982. — С. 28, 33—34.

Левшин И. Алан, сын Алтая // Лит. газета. — 1984.— 11 апр.

Палкина Р. А. Образ романного героя в литературах Южной Сибири // Советский многонациональный роман. — М., 1985.

Палкина Р. А. Фольклор и молодые литературы // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 199, 201.

Якимова Л. П. Становление большой прозы // Звезда Алтая. — 1993. — 12 марта.

ПЕСНИ, НАПИСАННЫЕ НА СТИХИ Э. М. ПАЛКИНА

Салымы башка, кайран кыс (Муз. Б. М. Шульгина) // Шульгин Б. Песни. — Горно-Алтайск, 1964. — С. 27—29.

Край родной. — Девушка с другой судьбой (Муз. Б. Шульгина) // Шульгин Б. Кожонгдор. — Горно-Алтайск, 1969. — С. 5—6, 36—38.

Ленин керегинде кожон (Муз. А. Тозыякова // Тозыяков А., Хохолков В. Чаабычак, — Горно-Алтайск, 1976. — С. 3—4.

То же // Тозыяков А. Чангкыр туулардын кожонгы — Горно-Алтайск,1970. — С. 3—4.

Мене ижен (Муз. Б. Шульгина) // Шульгин Б. Мелодии гор. — Горно-Алтайск, 1985. — С. 34—35.

ЛИТЕРАТУРА ОБ ОТДЕЛЬНЫХ СБОРНИКАХ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

АЛАН

На алтайском языке

Палкина Р. А. Автордың романдагы учуры // Алтын көл. — 1974. — № 1. — С. 122.

Палкина Р. А. Романның сюжеди керегинде // Алтын көл. — 1974. — № 2. — С. 97, 104.

«Алан» орустап чыкты // Алт. Чолмоны. — 1975. — 27 июнь.

Маскина Л. Јангы јол // Алт. Чолмоны. — 1980. — 27 авг.

Сурбашев М. «Алан» ла оның тили // Алт. Чолмоны. — 1981. — 10 июнь.

На русском языке

Каташ С. С., Кондаков Г. В. Современная алтайская проза // Очерки по истории алтайской литературы. — Горно-Алтайск, 1969. — С. 120—124.

Палкина Р. А. К изучению проблем развития алтайской прозы // Учен. зап. — ГАНИИИЯЛ. — 1971. — Вып. 10. — С. 72—74.

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Адаров А. Кижини сүүген јүрек. // Алт. Чолмоны. — 1984. — 21 дек.

О ПОЭМАХ

Шадрин В. Новая встреча: (О поэме «Наташа») // Алт. правда. — 1984. — 21 июня.

Каташ С. С. Правда жизни: (О поэме «Синее небо») // Звезда Алтая. — 1988. — 31 марта.

Каташ С. С. Поэт, даривший людям радость // Звезда Алтая. — 1992. — 23 сент.

РОДНОЙ КРАЙ

Луговской В. Эркемен Палкин // Палкин Э. Родной край. — М., 1976. — С. 3—4.

Санги В. Звонкие ливни // Лит. Россия. — 1977. — 29 апр.

ТАКОЙ ОБЫЧАЙ

Кондаков Г. Приглашение принимается... Новые книги // Алт. правда. — 1955. — 19 сент.

Чичинов В. Певцы голубых гор // Молодежь Алтая. — 1962. — 16 июня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

Палкин Эркемен Матынович: (Краткая биогр. справка с библиогр.) // Писатели Алтая: Библиогр, справочник. — Барнаул, 1967. — С. 129—132.

То же (с изм. и доп.) // 2-е изд. — Барнаул, 1974.— С. 146—151.

Палкин Эркемен Матынович: Памятка читателю (К Дням лит. и искусства Горного Алтая в Башкирии.) — Горно-Алтайск, 1982.

То же (с изм. и доп.) // К Дням лит. и искусства в Латвии. — Горно-Алтайск, 1986.

Э. М. Палкин Библиогр. указ. (Вступ. статья *С. С. Каташа.* Сост. Л. Баштыкова. — Горно-Алтайск, 1984. — 23 с.

Э. М. Палкин: (Краткая биогр. справка с библиогр.) // Писатели Горного Алтая: Библиогр. справочник. — Горно-Алтайск, 1988. — 131—144.

ОТ РЕДАКТОРА

В эту книгу вошли литературоведческие и философские размышления известного ученого и писателя, члена-корреспондента Международной Академии гуманизации образования профессора Сергея Сергеевича Каташа об алтайском поэте Эркемене Матыновиче Палкине, творчество которого оставило заметный след в культуре XX века и закономерно составило славу литературе Республики Алтай.

«Эркемен — человек ласковый» — так назвал свою книгу автор, утверждая тем самым что речь идет о талантливейшем поэте, страстно звавшем живущих на Земле возвыситься над одолевающими тяготами, всем совместно превозмочь невзгоды века, отвернуться от тьмы мелких страстей, одарить друг друга лаской, поднять дух человеческий высоко — к вечным, седым как мудрые аксакалы вершинам священных гор.

Гонг откую из солнечной латуни,
Из звонких ливней выдерну струну,
Небесно-синим поясом Катуни
У шубы полы пышные стяну.
Пущу попоной сетчатые тени,
Коврами разбросаю облака,
Как шапку островерхую надену
Серебряную глыбу ледника.
Возьму аржана стынущую влагу —
В ней свежесть гор, нехоженных высот,
И разверну на полпланеты
флагом
Багряный, чистый утренний
восход.

Какой мощный призыв к Человеку, к торжеству человечности, к единению человека с природой, какое небесное озарение открылось в большом («на полпланеты»!) сердце поэта — и как щедро эта космическая энергия отдана людям!

Эркемен Палкин и алтайские поэты его поколения ворвались в поэтический мир XX века несколько, я бы сказал, неожиданно.

На горных просторах Алтая тысячелетия существовала неповторимая культура народного эпоса. Достаточно указать на то, что подлинный шедевр мировой культуры — алтайский эпос «Маадай-Кара» — рожден в горах Алтая в эпоху, когда создавались «Илиада», «Махабхарата» и «Рамаяна», и стал опорной точкой для всего последующего тюркоязычного фольклора во многих странах мира. Этим по праву гордятся алтайцы.

Но подготовка к переходу от фольклора к современным формам культуры заняла в исторических масштабах — длительное время. На древней земле Алтая мощное ускорение в движение к новым формам искусства дали просветители П. В. Кучияк, М. В. Чевалков, Н. У. Улагашев, художник Г. И. Чорос-Гуркин. Результативно потрудились на вспашке целинной нивы — культуры Алтая — первые профессиональные литераторы П. А. Чагат-Строев, М. В. Мундус-Эдоков, А. Ф. Саруева, Ч. А. Чунижеков, А. Г. Калкин, другие народные деятели национальной алтайской культуры.

Но все же это была только вспашка целины. И вспашка оказалась столь глубокой, что, говоря образно, едва ли не в первый год, без «залежи», без «паров», без дополнительной мелиоративной и иных культуртехнических работ, бережно взлелеянная предшественниками, ярко и густо проросла культурная нива Алтая. Подлинно из родной земли, подобно сказочным баатырам (по-русски — *богатырям*!) вышли и заняли достойное место в современной мировой культуре Лазарь Кокышев, Эркемен Палкин, С. С. Суразаков, Аржан Адаров, Борис Укачин, Бронтой Бедюров, Паслей Самыков, Иван Шодоев, Диваш Каинчин, Сергей Каташ, Игнат Ортонулов, Владимир Чукуев...

Право же, имена талантливых поэтов, писателей, художников, ученых следовало бы называть и называть, и это было бы справедливо, но это вышло бы за рамки настоящих заметок. Достаточно, пожалуй, указать на то, что эффект столь высокого взлета современной алтайской национальной культуры можно сравнивать разве что с тем, как стремительно вырывается из-за горы, в развороте, мать-кормилица алтайцев Кадын (Катунь) — и вот уже, словно из-под земли выросшая, катит на вас свои высокие волны огромная река...

Вот в чем и состоит секрет «внезапного» взлета художественного творчества на Алтае.

В родной земле, в могучей Катуни корни неповторимого творческого дара Эркемена Палкина, который, как уже сказано выше, «внезапно ворвался в поэтический мир XX века». Внезапность, как видим, на самом деле подготовлена самой историей Алтая.

Следует все-таки оспорить слово «ворвался» (хотя вхождение поэта в художественный мир страны было стремительным). Никогда и никуда Эркемен не «врывался»; он всегда появлялся только там, где ему требовалось быть, где его ждали, где хотели выслушать его спокойное и мудрое слово. Все, чем жила автономная область (к сожалению, Эркемен Матынович не дожил до того дня, когда область преобразовалась в Республику Алтай), волновало поэта; все успехи и все горечи земляков он пропускал через свое сердце. На посту ли руководителя писательской организации, или будучи директором областного отделения книжного издательства, он отдавал культуре свои не столь и крепкие физические силы, не щадил свое сердце...

Он принадлежал к числу тех, кто не разделяет время на «рабочее» и «личное» — выходных он не признавал. Как-то, уже будучи тяжело больным (перенес тяжелую форму инфаркта), звонит мне в воскресенье.

— Надо бы дополнительно к плану включить книгу «Улыбка поэта». О Лазаре Кокышеве... Очень надо. Иначе не успеем к его шестидесятилетию...

— Эркемен Матынович!.. В выходной день надо бы отдохнуть...

В трубке долго было молчание.

— Надо бы, конечно, отдохнуть... Но нельзя опоздать. Лазарю скоро шестьдесят.

— Но ведь еще рукопись не готова.

— Готова. Вчера мне положили ее на стол. Хорошая рукопись! Хорошая будет книга.

Вот так. Вчера получил рукопись. А сегодня он ее уже прочитал. И — наверное была бессонная ночь. Это после инфаркта-то

Как-то, кажется, в сентябре 1990 года, приехал я в командировку в Горно-Алтайск. Прорешали до вечера какие следовало книжные дела. Вижу — в глазах у Эркемена какой-то особый блеск.

— Сознавайся, Эркемен. Затаил чего-то?..

— Хочешь побывать на алтайской свадьбе? — ответил он вопросом на вопрос.

— Еще бы!.. Только свадьбы по заказу не бывают.

— Завтра как раз свадьба. В Каспе. Далеко в горах.

... Ах, что за свадьба была в Каспе! И жених настоящий джигит, и невеста — красоты неописуемой. И скачки на конях, и вольтижировка, и борьба баатыров, и какие-то особые алтайские городки (в русских городках фигуры выбивают деревянными битами, в алтайских — выхватывают фигуры с кона длиннющими бичами). И надо было видеть Эркемена в эти часы! Обычно сдержанный и немногословный, он вдруг весь преобразился — радовался лихой джигитовке, ловкому броску бичом... Нет-нет и толкал меня локтем:

— Ну как? Есть еще порох в пороховницах у алтайцев?..

— Выше всяких похвал.

... На обратном пути долго был задумчив, сосредоточен. И скорее сам себе вслух сказал:

— Вот поэтому мы и выжили. Сколько за тысячелетия было желающих захватить наши горы... Не вышло. И не выйдет.

Нет, Эркемен не был, что называется, «кабинетным человеком». Как тонко он ценил юмор, как артистически великолепно умел рассказывать

анекдоты, и как правило, неповторимо переходил на акцент той нации, о которой был сочинен анекдот. С особым мастерством он передавал манеру говорить и звуковой тембр голоса Сталина. Это всегда вызывало у слушавших его дружный, и немножко завистливый смех.

Там, где был Эркемен, всегда царила атмосфера откровенности и доверия друг к другу.

В заключение приведу несколько его строк:

Храните свое сердце в чистоте...
Тогда оно найдет дорогу к вечности.
Радуйтесь небу, будьте ближе к людям —
Только так мо...ете продлить
свою жизнь.

Не без колебаний я принял предложение сказать слово о моем друге и коллеге, слишком значительным и объемным явлением в культуре Алтая и всей России стало и навсегда останется творчество Поэта. В кратких заметках решить такую трудную задачу невозможно.

Радуюсь за читателя книги. Перед Вами по прочтении откроется широкий поэтический мир Эркемена Матыновича Палкина, сына Алтая, подарившего людям ласку.

В. ШАТЫГИН,
г. Барнаул.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт, даривший людям радость. Стихи и басни . . 5
Поэмы Эркемена 49
Проза Э. Палкина 63
Отзывы о творчестве Эркемена 77
Библиография 89
От редактора 95

Сергей Сергеевич Каташ

Эркемен — человек ласковый

Редактор В. В. Шатыгин

Художник Т. Ю. Егорова
Технический редактор М. С. Сафонова
Корректор Бельдекова Е. Д.

Сдано в набор 13.07.1995 г. Подписано к печати 05.10.1995 г. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура Литературная. Усл. печ. л. 5,25 Уч.-изд. л. 5,75. Тираж 1000 экз. Заказ 4010.

Алтайское книжное издательство. Комитет Российской Федерации по печати — 656015, Барнаул, пр. Ленина, 76.

Горно-Алтайская республиканская типография — 659700, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.

4500